

Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7340
2019, 6(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Khasimova Leisan – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
(Editor in Chief)

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
(Deputy Editor-in-Chief)

Khvatsik Yuliya – Belarus state economic university, Minsk, Belarus

Frolova Evgeniya – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Nevostuev Andrew – Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Zavhorodnia Vladyslava – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **ERIH PLUS** (Norway), **Open Academic Journals Index** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak Republic, 831 04

Release date 20.06.19.

Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal22.com/>
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 309.

© Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava, 2019

Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava

2019

Is.

1

CONTENTS

Articles and Statements

Problems of Criminal Liability for Tax Crimes A.A. Chugunov, S.V. Borisov	3
Criminal Law and Criminological Aspects of Religious Tolerance in Russia D.A. Kirillov, O.V. Pavlenko	9
Judicial Protection of the Rights of Children – Citizens of the Russian Federation in Adoption: International and Domestic Aspects M. Sosedova	18
Some Problems on the Fight against Cybercrimes in the Russian Federation V.V. Vorobyov	25

Reviews

Review of the textbook: Fohrer-Dedeurwaerder E. La Prise en consideration des normes étrangères; Paris, Lextenso éditions LGDJ, 2008. 570 p. ISBN 978-2-275-03345-7 P. Biriukov	34
--	----

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2019, 6(1): 3-8

DOI: 10.13187/zngup.2019.1.3
<http://ejournal22.com>

Articles and Statements

Problems of Criminal Liability for Tax Crimes

Alexander A. Chugunov ^a, Sergey V. Borisov ^a

^a Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the identification and consideration of a number of topical problems in the legislative reflection of the signs of tax crimes. The authors identify three shortcomings of the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, providing for liability for these crimes, which significantly complicate the uniform and correct application. The first of the shortcomings identified in the legislative regulation of criminal liability for tax crimes is related to the existing legal uncertainty as to whether such criminal acts last or not; the second is related to the lack of legislative regulation of the period during which there is a failure to pay taxes, fees, insurance premiums in determining large and particularly large sizes; the third is an unreasonable legislative decision, according to which the subject of these crimes was supplemented by insurance premiums.

On the basis of the study, the authors formulate proposals to improve the relevant criminal law, aimed at ensuring their uniform and correct application.

Keywords: tax crimes, problems of the criminal legislation, interpretation of the criminal law, criminal liability.

1. Введение

Статьи главы 22 УК РФ об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности характеризуются многоуровневой бланкетностью и сложностью законодательных формулировок (Ugolovnoe, 2018: 219). Они, кроме того, отличаются неточностью и двусмысленностью, что в совокупности существенно снижает эффективность их действия. Сказанное в полной мере относится и к статьям 198-199² УК РФ, направленным на противодействие налоговым преступлениям. Их содержание не свободно от ряда недостатков, исправление которых, на наш взгляд, может быть осуществлено только законодательным путем.

Мы выделим три недостатка данных статей УК РФ, которые, как представляется, существенно затрудняют единообразное и правильное применение последних. Подчеркнём, что все недостатки, рассматриваемые ниже, связаны с просчётами законодательной техники.

Предваряя выделение и анализ соответствующих недостатков, приведём позицию Конституционного Суда РФ о том, что признакам новых составов преступлений, вводимых в структуру УК РФ, должны быть присущи точность и недвусмысленность их изложения в тексте уголовного закона, обеспечивая тем самым непротиворечивое вхождение соответствующих норм в действующую систему права (Postanovlenie, 2017). К сожалению, часть признаков составов преступлений, содержащихся в ст. 198-199² УК РФ, этим требованиям не соответствуют.

2. Материалы и методы

В настоящей работе были использованы научные труды таких исследователей как Н.Г. Кадникова, П.С. Яни и др. Подвергнуты детальному анализу статьи УК РФ, материалы судебной практики и судебной статистики в части привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение и аналогия.

3. Обсуждение

Отметим, что с позиции судебной практики налоговые преступления нельзя назвать распространенными, что подтверждают статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, в 2016 г. за налоговые преступления, предусмотренные статьями 198-199² УК РФ, по основной и дополнительной квалификации было осуждено 579 лиц, в 2017 г. – 583 лица и в 2018 г. – 605 лиц ([Sayt Sudebnogo](#)). Вместе с тем, этим и другим преступлениям в сфере экономики уделяется повышенное внимание бизнес-сообщества и правозащитников, значительная часть представителей которых воспринимает факты осуждения за такие деяния как вмешательство властей, препятствующее развитию предпринимательской деятельности в стране. Также весьма болезненно воспринимаются любые изменения законодательства, в том числе уголовного, а равно новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые потенциально могут увеличить число лиц, ежегодно привлекаемых к ответственности за налоговые и иные экономические правонарушения и преступления.

Так, первый из выделяемых нами недостатков законодательной регламентации уголовной ответственности за налоговые преступления связан с имеющейся правовой неопределенностью относительно того, являются ли такие уголовно наказуемые деяния длящимися или нет. Вполне логичным видится однозначная позиция представителей правозащитных организаций и бизнес-сообщества, согласно которой налоговые преступления ни в коем случае нельзя признавать длящимися. Эта позиция наиболее явственно была выражена в многочисленных публикациях в различных новостных ресурсах, появившихся 6 июня 2019 г., когда в Верховном Суде РФ проходило первое обсуждение проекта нового постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», в котором был предложен вариант толкования деяний, предусмотренных статьями 198, 199 и 199¹ УК РФ, как длящихся преступлений.

Отрицание длящегося характера таких преступлений здесь обусловлено, прежде всего, тем, что в случае официального признания их таковыми срок давности уголовной ответственности стал бы во всех случаях исчисляться с момента прекращения преступной деятельности, которая, по сути, начинается со дня, следующего за днём, когда истекает срок соответствующей обязанности, предусмотренной законодательством о налогах и сборах, и прекращается по воле или против воли виновного лица – когда им добровольно выплачивается недоимка по налогам, сборам, страховым взносам либо происходит ее взыскание, а равно выявляется соответствующее преступление и начинает осуществляться уголовное преследование данного лица.

Обратная же позиция, не признающая такие преступления длящимися, уравнивает юридический и фактический моменты их окончания, что приводит к исчислению срока давности с указанного дня, следующего за заключительным днем для исполнения обязанности по исчислению и уплате налогов, сборов, страховых взносов.

Длящийся характер налоговых преступлений убедительно обоснован в теории уголовного права. П.С. Яни изложил систему аргументов в пользу данной позиции, с которой мы полностью согласны ([Yani, 1999: 40-42](#)). Не будем воспроизводить данные аргументы, лишь приведем один. Он отсылает к разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, данному в п. 14 его постановления от 24 марта 2005 г. № 5 ([Postanovlenie, 2005](#)), касающегося вопросов применения норм КоАП. Невыполнение обязанности, предусмотренной правовыми актами, к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся.

Между тем, необходимо иметь в виду, что применительно к уголовным делам такое разъяснение отсутствует. Более того, в п. 4 действующего постановления 23 Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. ([Postanovlenie, 1929](#)) указано, что длящееся преступление берет свое начало с момента совершения преступного действия или бездействия и кончается вследствие действия самого виновного лица, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, которые препятствуют его совершению (в частности, вмешательство органов власти). При этом срок давности уголовного преследования в отношении длящихся преступлений следует исчислять со времени их прекращения по воле или вопреки воле виновного. Таким образом, применительно к выделенным налоговым преступлениям в течение всего периода неисполнения конституционной обязанности по уплате налогов и сборов непрерывно длится преступное состояние, пока оно не завершается по воле или против воли виновного лица, когда именно и начинает течь срок давности уголовной ответственности (срок давности уголовного преследования).

Различия в позициях относительно фактического момента окончания налоговых преступлений обусловлены тем, что при отрицании их длящегося характера сущность общественной опасности таких деяний видят в создании препятствий для налоговых органов относительно выявления подлежащих уплате налогов, сборов, страховых взносов, тогда как обратная точка зрения основана на том, что данная опасность связана именно с уклонением от уплаты налогов, сборов, страховых взносов.

Мы не можем согласиться с тем, что ст. 198, 199 и 199¹ УК РФ предусмотрены лишь для того, чтобы обеспечить подачу достоверной декларации (расчета) и иных документов, а не для того, чтобы обеспечить уплату обязательных налогов, сборов и страховых взносов. Если отрицать длящийся характер данных преступлений, то в подавляющем большинстве случаев сроки давности уголовной ответственности будут истекать до вынесения приговора суда, в том числе в рамках трехлетнего периода, за который исчисляется соответствующая задолженность.

Считаем, что для официальной констатации длящегося характера налоговых преступлений или отсутствия такового нужна выраженная в уголовном законе однозначно понимаемая воля законодателя. Во многом это политическое решение, требующее своего закрепления именно на законодательном уровне, а не в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

С регламентацией периода, предусмотренного для исчисления размера задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, связан следующий выделяемый нами недостаток уголовного законодательства. Согласно примечаниям к ст. 198, 199 и 199¹ УК РФ крупный и особо крупный размеры представляют собой сумму налогов, сборов, страховых взносов за период в пределах трех финансовых лет подряд. При этом законодатель не отвечает на вопросы о том, с какого момента начинается такой период, когда он заканчивается, требуется ли во всех случаях исходить из трехлетнего срока, в том числе и тогда, когда лицо уклонялось от уплаты налогов, сборов и страховых взносов в течение меньшего времени, например, в рамках одного или нескольких кварталов, 1 года и т.д., а в дальнейшем было исправным плательщиком, или наоборот.

Отметим, что при работе в первом полугодии 2019 г. над проектом нового постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» Следственным комитетом РФ, к подследственности которого отнесены уголовные дела о таких преступлениях, были предоставлены сведения и примеры, которые мы используем ниже для демонстрации выделяемых проблем уголовного законодательства, воспринимаемых через призму правоприменительной практики ([Predlojeniya, 2019](#)).

По данным Следственного комитета РФ относительно практики уклонения от уплаты налогов, в большей части регионов России правоприменители придерживаются позиции исчисления доли неуплаченных налогов исходя из соотношения сумм неуплаченных налогов к суммам налогов, подлежащих уплате в периоды, в течение которых выявлена соответствующая недоимка.

Так, расчет доли неуплаченного налога в Белгородской, Иркутской и Омской областях производится от суммы всех налогов, подлежащих уплате за один или два года (в зависимости от того, в одном или двух годах была выявлена недоимка). Данная позиция

объясняется тем, что максимальным налоговым периодом по различным видам налогов является календарный год.

Например, по уголовному делу по обвинению Р. по ст. 198 УК РФ были доначислены налоги на доходы физических лиц за 2012 и 2013 годы, налог на добавленную стоимость за 3 и 4 кварталы 2012 г. и 2-4 кварталы 2013 г. То есть доля неуплаченных налогов рассчитывалась исходя из суммы всех налогов, подлежащих уплате в бюджет за 2 года.

В Саратовской области расчет доли неуплаченного налога производится от общей суммы всех неуплаченных налогов, подлежащих уплате в бюджет в пределах трех финансовых лет подряд исходя из окончанных налоговых периодов, предшествующих дате окончания совершения преступления.

Например, директор организации был признан виновным в уклонении от уплаты НДС с организации за 2010 г. и 3 квартал 2011 г. на сумму около 16 млн. рублей, что составило 83,19 % от общей суммы подлежащих к уплате налогов за периоды 2009–2010 годы и 3 квартал 2011 г.

Кроме того, имеется практика, при которой в случае выявления неуплаты квартального налога (НДС), расчет доли неуплаченного налога производится от суммы подлежащего уплате налога за период, в котором была выявлена недоимка (квартал) и только к налогу, по которому выявлена недоимка (НДС). Такой расчет применяется, когда недоимка охватывается квартальными периодами, но не более одного финансового года.

Так, Ленинским районным судом города Ижевска Удмуртской Республики установлено, что директор организации Б. уклонился от уплаты НДС в размере около 3 млн. за 4 квартал 2013 г. Согласно заключению эксперта, положенному в основу обвинительного приговора, соотношение неисчисленного и неуплаченного НДС в процентном выражении к этому же налогу, подлежащего к уплате в бюджет за период с 1 октября 2013 г. по 31 декабря 2013 г., составило 100 %.

В ряде субъектов Российской Федерации, в том числе в Камчатском крае и Новосибирской области, доля неуплаченного налога исчисляется от суммы налогов, подлежащих уплате за все три финансовых года. При проведении экспертных исследований ставится вопрос об исчислении доли неуплаченных налогов, как за частично предшествующий, так и за частично последующий налоговый период.

Например, по одному уголовному делу о преступлении, предусмотренному п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, было установлено, что сумма неуплаченных налогов за период с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2011 г. составила 15,6 млн. рублей. Согласно заключению налоговой экспертизы, согласно которой доля (86,96%) неуплаченных налогов была исчислена от общей суммы всех налогов за три финансовых года с 1 января 2009 г. по 31 декабря 2011 г., что было положено в основу обвинительного приговора суда.

В Амурской области доля неуплаченных налогов исчисляется также исходя из суммы всех налогов, подлежащих уплате за три финансовых года подряд. При этом сначала определяются три доли исходя из трех лет: 1) предшествующих периоду, в котором выявлена неуплата, 2) наступивших позднее и 3) частично предшествующих и частично наступивших позднее. В дальнейшем, исходя из принципа презумпции невиновности, выбирается наименьшая доля неуплаченных налогов, которая и указывается в обвинении.

Учитывая приведенные примеры, следует согласиться с позицией Следственного комитета РФ о том, что выявленная неопределенность уголовного закона и его различное толкование фактически могут приводить к нарушению принципа равенства граждан перед уголовным законом. Такая правовая неопределенность может быть устранена только законодательным путем.

В качестве третьего недостатка уголовно-правовых норм о налоговых преступлениях выступает необоснованное законодательное решение. Согласно которому предмет данных преступлений был дополнен страховыми взносами, тогда как более правильным было бы дополнение главы 22 УК РФ новыми статьями об ответственности за нарушение обязанностей, связанных с уплатой таких взносов, что изначально и было запланировано в соответствующем законопроекте ([Proekt](#)), но в конечном итоге не было реализовано в Федеральном законе от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ.

В связи с включением страховых взносов в предмет рассматриваемых налоговых преступлений на практике возникла проблема в части решения вопроса об обратной силе уголовного закона: следует ли включать сумму уплаченных страховых взносов в сумму налогов и сборов, по отношению к которой определяется доля задолженности для исчисления крупного или особо крупного размера, относительно того периода, который предшествовал вступлению в силу соответствующего законодательного дополнения статей 198, 199 и 199² УК РФ и Налогового кодекса Российской Федерации?

По одному из таких дел, по которому А. был осужден, в том числе по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, Верховный Суд РФ не нашел оснований для удовлетворения кассационной жалобы, включая ту ее часть, которая затрагивала обозначенный вопрос ([Soobschenie, 2018](#)). При этом, в частности, было отмечено, что доводы жалобы о наличии оснований для применения примечания 1 к ст. 199 УК РФ в ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ при юридической оценке действий А. являются несостоятельными, поскольку данное примечание подлежит применению только наряду с уголовным законом, которым введена уголовная ответственность за неуплату, помимо налогов и сборов, страховых взносов, что не вменялось в вину А. То есть фактически было указано на отсутствие оснований для включения уплаченных страховых взносов в предмет данного преступления до того момента, когда таковые были отнесены к его предмету приведенным выше Федеральным законом и эти изменения вступили в силу. Одновременно отметим, что данное уголовное дело послужило поводом для обращения в Конституционный Суд РФ, где на момент написания настоящей статьи соответствующая жалоба еще не была рассмотрена.

4. Результаты

Результатом проведенного авторами анализа уголовного законодательства Российской Федерации, а так же материалов судебной практики в части привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, был выявлен ряд недостатков законодательной конструкции составов преступлений, предусмотренных статьям 198-199² УК РФ. Сравнительно правовой метод и синтез позволили определить пути совершенствования отечественного уголовного закона в рассматриваемой области.

5. Заключение

Отметим, что нами были выделены лишь отдельные проблемы регламентации уголовной ответственности за налоговые преступления, решение которых, на взгляд авторов, возможно только посредством внесения необходимых изменений и дополнений в соответствующие уголовно-правовые нормы, которые должны приобрести недостающие им определенность и недвусмысленность.

References

[Postanovlenie, 1929](#) – Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR № 23 ot 4 marta 1929 g. (red. ot 14 marta 1963 g.) «Ob usloviyah primeneniya davnosti i amnistii k dlyaschimsya i prodoljaemyim prestupleniyam»; Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 g. № 5 «O nekotoryih voprosah, vznikayuschih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnyih pravonarusheniyah». [Electronic resource]. URL: <https://www.vsrfr.ru> (data obrascheniya: 10.06.2019).

[Postanovlenie, 2005](#) – Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 g. № 5 «O nekotoryih voprosah, vznikayuschih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnyih pravonarusheniyah» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005 No. 5 “On some issues arising from the courts when applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation”]. [Electronic resource]. URL: <https://www.vsrfr.ru> (data obrascheniya: 10.06.2019).

[Postanovlenie, 2017](#) – Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 10 fevralya 2017 g. № 2-P. [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017 No. 2-P Dadina].

Predlozheniya, 2019 – Predlozheniya Sledstvennogo komiteta RF po projektu postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF «O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za nalogovyye prestupleniya». Arhiv Upravleniya sistematizatsii zakonodatelstva i analiza sudebnoy praktiki Verhovnogo Suda RF za 2019 g. [Proposals of the Investigative Committee of the Russian Federation on the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the practice of application by courts of legislation on liability for tax crimes”. Archive of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2019].

Proekt – Proekt Federalnogo zakona № 927133-P «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem pravovogo regulirovaniya otnosheniy, svyazannykh s uplatoy strahovykh vnosov v gosudarstvennyie vnebyudjetnyie fondy» (podgotovlen Minyustom Rossii) (red. do vneseniya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 15 yanvarya 2015 g.) [Draft Federal Law No. 927133-P “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the improvement of legal regulation of relations connected with the payment of insurance premiums to state extra-budgetary funds” (prepared by the Ministry of Justice of Russia) (ed. text as of January 15, 2015)]. [Electronic resource]. URL: <https://regulation.gov.ru/#> (data obrascheniya: 10.06.2019).

Sayt Sudebnogo – Sayt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF [Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrascheniya: 10.06.2019).

Soobschenie, 2018 – Soobschenie ob otkaze v udovletvorenii kassatsionnoy jaloby advokata, podannoy v interesakh osujdennoy A. ot 25 dekabrya 2018 g. № 16-UD18-22. Arhiv Upravleniya sistematizatsii zakonodatelstva i analiza sudebnoy praktiki Verhovnogo Suda RF za 2019 g. [Report on the refusal to satisfy a cassation appeal of a lawyer filed in the interests of convict A. dated December 25, 2018 No. 16-UD18-22. Archive of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2019].

Ugolovnoe, 2018 – Ugolovnoe pravo Rossii [Criminal law of Russia]: uchebnik v 2 t. (2018). T. 2: Osobennaya chast. Pod red. N.G. Kadnikova. M.: ID «Yurisprudentsiya», 836 p.

Yani, 1999 – Yani P. (1999). Dlyascheesya prestuplenie s materialnyim sostavom. K voprosu o kvalifikatsii prestupnogo ukloneniya ot uplaty nalogov [Continuing crime with material composition. On the issue of qualification of criminal tax evasion]. *Zhurnal rossiyskoy yustitsii*. № 1. pp. 40-42.

Проблемы уголовной ответственности за налоговые преступления

Александр Александрович Чугунов^a, Сергей Викторович Борисов^a

^a Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выделению и рассмотрению ряда актуальных проблем в законодательном отражении признаков составов налоговых преступлений. Авторы выделяют три недостатка статей УК РФ, предусматривающих ответственность за указанные преступления, которые, существенно затрудняют единообразное и правильное их применение. Первый из выделяемых недостатков законодательной регламентации уголовной ответственности за налоговые преступления связан с имеющейся правовой неопределенностью относительно того, являются ли такие уголовно наказуемые деяния длящимися или нет; второй связан с отсутствием законодательной регламентации периода в течение которого происходит неуплата налогов, сборов, страховых взносов при определении крупного и особо крупного размеров; третий – необоснованное законодательное решение, согласно которому предмет данных преступлений был дополнен страховыми взносами.

На основе проведенного исследования авторы формулируют предложения по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм, направленные на обеспечение их единообразного и правильного применения.

Ключевые слова: налоговые преступления, проблемы уголовного законодательства, толкование уголовного закона, уголовная ответственность.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2019, 6(1): 9-17

DOI: 10.13187/zngup.2019.1.9
<http://ejournal22.com>

Criminal Law and Criminological Aspects of Religious Tolerance in Russia

Dmitry A. Kirillov ^{a, *}, Oksana V. Pavlenko ^a

^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The Russian law, which orients society to mutual understanding, patience, and respect in matters of freedom of conscience and freedom of religion, contains latent criminogenic prerequisites. So, patience in matters of faith involves a certain psychological discomfort of the men of faith in relation to the men of a different faith. Patience of the person in relation to the object and simultaneous respect by the person of the same object is logically incompatible. It should be noted that in accordance with the criminological point of view, the religious tolerance contains most stable prerequisites for the lawful behavior of men of the faith in relation to the men of a different faith. Its basic principles in general are respect for different faith, acceptance and correct understanding of the diversity of religions and forms of manifestation of religiosity. Patience is contrary to the content of religious tolerance. For a long time, Russia's official attitude to religious tolerance was not reflected in official documents. Therefore, it was quite difficult to expect, for example, the replacement of religious patience ideas with ideas of religious tolerance. However, on December 12, 2018, Russia supported the resolution on religious tolerance, adopted by the UN General Assembly. This suggests that now the potential of religious tolerance can be integrated into the system of principles of the Russian religious landscape. Obviously, a fragment about patience in matters of freedom of conscience and freedom of religion should be excluded from the law. However, criminal law restrictions should be taken into account here, in particular, article 148 of the Criminal Code. Today, it is the patience in matters of faith that is of great importance to many men of faith. In such a situation, the quick exclusion of the term "patience" from the text of the law may lead to an insult to their religious feelings. Therefore, the authors of this article propose such a wording of the law, in which the values of faith patience are indicated as the important ones, but temporary, and the values of religious tolerance – as strategic ones.

Keywords: criminology and criminal law, resolution on religious tolerance, patience in matters of faith, religious tolerance, legislative replacement of patience for tolerance, insulting the feelings of faith's persons, religious landscape.

1. Введение

В декабре 2018 года Россия поддержала Резолюцию ООН о религиозной толерантности (далее – «Резолюция ООН») ([Enlightenment and religious tolerance, 2018](#)). Однако ее принципы не в полной мере тождественны целям России в религиозной сфере. Ими заявлены взаимное понимание, терпимость и уважения в вопросах веры. Данное обстоятельство представляет интерес как для уголовно-правовой науки, так и для криминологии, поскольку религиозная толерантность, тактически сопрягаясь

* Corresponding author

E-mail addresses: kdakda@yandex.ru (D.A. Kirillov), oksi-pavlenko@yandex.ru (O.V. Pavlenko)

с возможностью оскорбления религиозных чувств части верующих, стратегически имеет серьезный антикриминогенный потенциал.

2. Материалы и методы

В настоящей работе были использованы научные труды таких исследователей как А.П. Данилов, В.М. Золотухин, А.В. Карпушкин, С.И. Кириллов, В.Д. Ларичев, О.Н. Мигущенко, Н.В. Потапова, Д.Н. Сергеев, И.А. Стернин. С точки зрения уголовно-правового и криминологического подходов проведен анализ соотношения принципов религиозной толерантности и элементов государственного целеполагания в религиозной сфере. Используются результаты ранее обнародованных исследований религиозной толерантности. По отдельным вопросам соотношения терпимости и толерантности в вопросах веры в 2018-2019 годах проведены пилотажные опросы более 70 лиц, назвавшихся представителями различных религий и конфессий, из семи стран Европы, Азии и Африки, а также 8 регионов России, в том числе 48 студентов российских вузов, шесть священников. К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение, аналогия, опрос.

3. Обсуждение

Из систематического толкования двух групп положений Конституции РФ, в частности, о приоритете прав и свобод человека и о религии, явствует, что Конституция ориентирует общество на толерантность в вопросах веры. В связи с этим, выглядит совершенно логичным, что Россией поддержана Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Просвещение и религиозная толерантность».

Между тем, в «тематическом» Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (далее – ФЗ «О свободе совести») о религиозной толерантности как о цели построения или принципе устройства религиозного пространства страны ничего не говорится. В преамбуле данного закона указано лишь о важности для государства «... содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания».

Использование в приведенном законоположении термина «терпимость» представляется не просто неудачным, но и противоречащим Конституции РФ (Kirillov, Sechenova, 2019: 82-83). Однако до принятия «Резолюции ООН» в официальных российских документах о религиозной толерантности как о базе для построения религиозного пространства страны прямо говорить было не принято. Потому термин «терпимость», если и вызывал исследовательские вопросы, то лишь в аспекте некоторой своей некорректности, но никак не ущербности или пагубности.

Поддержка же «Резолюции ООН» означает официальное признание Россией религиозной толерантности. В связи с этим, возник и актуальный для сферы межрелигиозных отношений и общества в целом запрос на анализ соотношения понятия «терпимость» из ФЗ «О свободе совести» и базового для «Резолюции ООН» понятия «религиозная толерантность». Объяснение того обстоятельства, почему данный анализ особо актуален для наук уголовно-правового цикла, будет приведено ниже.

Видится логичным предварить анализ несколькими замечаниями.

Религиозность человека базируется на признании им существования сверхъестественной субстанции как первоосновы мироздания. В раннем возрасте подобная субстанция присутствует в картине мира практически всех детей – в лице Аяз-аты, Санта-Клауса, Соок-Таадака и других аналогичных персонажей. По мере взросления удельный вес сторонников наличия сверхъестественного, очевидно, уменьшается, хотя и остается значительным.

Следует также отметить существование трудно исчислимого количества религиозных подходов к осмыслению действительности, которые именуются вероучениями. Каждое из вероучений характеризуется оригинальным символом веры, то есть, совокупностью сущностей, субстанций и догматов, которые, безусловно, принимаются последователями вероучения как сакральная данность. Наряду с огромным многообразием религиозных подходов, религиозному пространству свойственна такая характеристика как исключаящая

догматические компромиссы «монополия на истину, которая у каждой религии своя» (Karpushkin, 2008: 92). Названные обстоятельства объективно предопределяют представления «типичного» верующего о религиозной адекватности только «своего» символа веры и неадекватности всех прочих, а также религиозной ущербности их последователей – иноверующих. Данный факт, являясь имманентно присущим религиозной сфере свойством, детерминирован объективно, самой природой религиозности.

Криминологически охарактеризованные представления интересны в той мере, в которой детерминируют поведение верующих по отношению к иноверующим. Диапазон вариантов такого поведения широк. У первой из его границ по воображаемой шкале можно расположить полное отсутствие агрессии по отношению к иноверующим. У второй же границы диапазона располагается физическая агрессия – религиозные войны, целенаправленные экстремистские действия, другие подобные деяния. Очевидно, криминология и уголовное право как науки призваны обеспечить воспроизводство поведения, характерного для окрестностей первой из названных границ, то есть, правомерного поведения верующих по отношению к иноверующим.

В свою очередь, мотивы такого правомерного поведения могут быть самыми разными. В их числе, например, и страх перед последствиями, и вынужденность компромисса, и состояние правовой (в том числе, крайней) необходимости, и, наконец искреннее понимание верующим примата ценности самого по себе человека над любыми другими производными смыслообразованиями, в том числе, перед религиозной принадлежностью и т.п.

Из всех мотивационных предпосылок неагрессивного поведения наибольшим антикриминогенным потенциалом обладают, говоря условно, «субъектно-самодостаточные», то есть предпосылки, основанные на направленности личности (системе ценностей индивида). Таковые, например, имеют место, когда личностные свойства индивида закономерно исключают преступное поведение, в том числе, в ситуациях существенного снижения интенсивности внешнего контроля и смежных (Kirillov, 1998: 51). Иные же мотивы неагрессивного поведения (страх, компромисс, ситуационная необходимость и т.п.) действуют лишь при наличии «сдерживающих» факторов внешней среды (Kirillov, 1998: 207).

Особой оговорки требует также и то обстоятельство, что рядом видовых особенностей религиозной преступности предопределена необходимость существенной коррекции «общекриминологического» подхода к предупредительной деятельности в религиозной сфере. Так, по мнению О.Н. Мигущенко, в сфере противодействия религиозной преступности «... в конечном счете успех определяется на общесоциальном уровне предупредительной деятельности» (Migushenko, 2015: 55). То есть особые свойства социально-психологических процессов религиозной сферы предопределяют необходимость «переноса» предупредительного акцента со специального криминологического уровня на общесоциальный. При этом отмечаем, что общесоциальное предупреждение преступности «в целом» к предмету криминологии большинством исследователей относить не принято (Laritsev, 2011: 133).

Исходя же из приведенной выше характеристики мотивов неагрессивного поведения верующего в отношении иноверующих, основной акцент предупредительного воздействия должен быть сделан на формировании в личности как можно большего количества верующих устойчивых «субъектно-самодостаточных» предпосылок неагрессивного поведения в отношении иноверующих. Это задача общесоциального предупреждения. Специальное же криминологическое предупреждение здесь может оказаться неэффективным (Migushenko, 2015: 55).

На базе вышеприведенных предварительных замечаний полагаем возможным перейти к сравнению предупредительного потенциала терпимости в вопросах веры и религиозной толерантности.

В «Резолюции ООН» дефиниция, либо иное четкое раскрытие религиозной толерантности, очевидно, отсутствуют. Потому для формулирования соответствующего понятия мы сочли корректным принять за основу подход, содержащийся в пункте 1.1 Декларации принципов толерантности от 16.11.1995 года (далее – «Декларация»), согласно которому «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание

богатого многообразия культур нашего мира, форм самоуважения и проявления человеческой индивидуальности» ([Declaration of Principles of Tolerance, 1995](#)).

Как можно видеть, в понятие толерантности, базирующейся на уважении, принятии и правильном понимании всего «непохожего», такой признак как терпимость не включается. В тексте «Резолюции ООН» указание на терпимость – как на синоним или на элемент религиозной толерантности – также отсутствует. Уже только этого, по нашему мнению, с формальной точки зрения достаточно, чтобы выразить принципиальное несогласие с авторами, допускающими не только отождествление ([Danilov, 2015: 27](#)), но и логическое пересечение ([Sternin, 2014](#)) понятий «терпимость» и «толерантность».

Акцентируя же внимание на содержательной некорректности включения в конструкцию толерантности термина «терпимость» ([Sternin, 2014](#)), отметим, что терпимость подразумевает присутствие в личности «претерпевающего субъекта» некоего элемента несвободы, своего рода, психологического самонасилия, субъектного «самозаставления», дискомфорта, и, в конце концов, латентной враждебности по отношению к находящемуся в поле зрения объекту. Охарактеризованные психологические феномены, не будучи имманентно присущими системе «субъектно-самодостаточных» предпосылок непроступного поведения или производными от нее, при определенных характеристиках внешней среды, как было показано выше, могут трансформироваться в агрессивное поведение. То есть, как, в частности, полагает В.М. Золотухин, терпимость не исключает неприязни лица к представителям иной группы по мотиву их членства в таковой. При этом, лицо, претерпевающее определенный дискомфорт, нередко считает недопустимой лишь открытую агрессию к носителям «инаковости» ([Zolotukhin, 2003: 99-100](#)). Поэтому повторим, что отказ от включения терпимости в конструкцию толерантности считаем настоятельно необходимым.

Толерантность – характеристика мироотношенческой сферы человека, находящего в состоянии психологического комфорта по отношению к представителям иных выделяемых по самым различным признакам групп. Она в целом исключает неприязнь этого лица к представителям иной группы по мотиву их членства в данной группе, и, как следствие, у толерантного лица исключена агрессия, основанная на такой мотивации. Такие свойства толерантности как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия особенностей и качеств других людей, а также их общностей, будучи интегрированными в ценностно-нормативную систему индивида (направленность личности), как раз и способны предопределять создание системы «субъектно-самодостаточных» (относительно независимых от ситуационных свойств внешней среды) предпосылок неагрессивного поведения по отношению к носителям «инаковости» и их общностям.

Основываясь на приведенной характеристике толерантности в целом и учитывая содержание «Резолюции ООН», полагаем возможным говорить о религиозной толерантности в объективном и субъективном смыслах.

В субъективном смысле религиозную толерантность можно определить как устойчивую системную мироотношенческую характеристику верующего лица, в основу которой полагается уважение к чужим религиозным убеждениям и их носителям, а также принятие и правильное понимание многообразия религиозных подходов и форм проявлений религиозности. В объективном же смысле религиозную толерантность можно определить как системное свойство религиозного пространства, состоящее в последовательном ориентировании верующих на уважение чужих религиозных убеждений и их носителей, а также на принятие и правильное понимание верующими многообразия религиозных подходов и форм проявлений религиозности.

При этом, по нашему мнению, гораздо более значимым, чем в общем случае, источником формирования мировоззрения именно верующего лица является система норм и правил его «микросреды». Таковой выступает религиозная общность, авторитет которой для верующего, говоря условно, значимей авторитета «обычной» микросреды для «обычного» человека. В связи с таким «повышенным значением детерминизма в религиозной сфере» во многих случаях можно говорить о, своего рода, прямой производности субъективной религиозной толерантности от объективной.

По степени интенсивности (глубине) выделяют два вида (уровня) религиозной толерантности. На низшем (негативном) уровне предполагается «безразличие к религиозно-конфессиональным взглядам ... других, в результате чего обеспечивается отсутствие вражды и столкновений ...» ([Religioznaya tolerantnost', a](#)). Очевидно, даже данный низший уровень, в отличие от терпимости, исключает психологическое напряжение по отношению к иноверию и его последователям. Высший же (позитивный) уровень религиозной толерантности характеризуется знанием, пониманием и уважением иноверующих, а также их религиозных убеждений ([Religioznaya tolerantnost', a](#)), которые не только не имеют ничего принципиально общего с терпимостью, но и вносят важный вклад в формирование «субъектно-самодостаточных» предпосылок неагрессивного поведения по отношению к иноверующим. Полагаем, что данные два вида толерантности, определяемые по степени ее интенсивности, относимы к религиозной толерантности как в объективном, так и в субъективном смысле.

Таким образом, в целом интеграция в религиозное пространство начал толерантности весьма значима с криминологической точки зрения. Между тем, в правовой действительности России препятствием к такой интеграции является фрагмент преамбулы ФЗ «О свободе совести», где, в частности, признается важность содействия «достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания». И вот почему.

При сравнении приведенного фрагмента с «нашими» дефинициями религиозной толерантности можно заметить их и сходство, и различия. Сходство состоит в том, что и определения толерантности, и фрагмент преамбулы включают такие термины как «понимание» и «уважение» верующими чужих религиозных убеждений и их последователей. Более того, в преамбуле говорится о взаимном понимании.

Различие формулировок состоит во включении в текст ФЗ «О свободе совести», наряду с пониманием и уважением как атрибутами «религиозной толерантности», еще и терпимости. При этом, терпимость логически не сопрягается в анализируемом контексте с ни с пониманием, ни с уважением.

Потому представляется очевидным тезис о том, что включение в преамбулу ФЗ «О свободе совести» конструкции «считая важным содействовать достижению ... терпимости ... в вопросах ... свободы вероисповедания» объективно ориентирует часть верующих лиц на ценность именно терпимости как главного принципа, который должен полагаться в основу отношенческой позиции верующего к иноверующим и иноверию. Тем самым, данный фрагмент преамбулы играет роль криминогенного фактора, в силу чего текст закона требует коррекции.

Учитывая исторически-традиционную для российской действительности коннотацию веротерпимости ([Potapova, 2010: 27-28](#)), можно говорить о крайне низком потенциале законодательного ориентирования общества на такие «противоположные» терпимости ценности религиозной толерантности как понимание иноверия и уважение к нему. Потому значительной частью адептов различных вероучений ни религиозная толерантность в целом, ни понимание и уважение по отношению к иноверию, в качестве базовых принципов построения религиозного пространства не воспринимаются. В качестве действенного принципа воспринимается лишь терпимость в вопросах веры или, если использовать альтернативную терминологию, веротерпимость.

Акцент на значимость именно терпимости в вопросах веры можно проследить на электронных ресурсах организаций крупнейших религиозных сообществ России. Так, на одном из сайтов, посвященных российскому «суннитскому» исламу, говорится, что «Веротерпимость и снисходительные отношения между представителями разных религий особенно актуальны для сегодняшней России в целях сохранения целостности государства и стабильности в обществе» ([Kul'tura tolerantnosti v islame, 2016](#)). На сайте одной из церквей российского канонического православия размещены утверждения о том, что внедрение в общество толерантности вместо терпимости преследует «... цель формирования в обществе безбожного сознания ... », что терпимость предполагает «... терпение по отношению к тому, кто еще не в силах измениться к лучшему» ([Terpimost' i tolerantnost'](#)). На ресурсе, позиционирующемся как общехристианский, указывается, что религиозная толерантность

по отношению к иноверующим практически невозможна, поскольку «... предполагает ... признание равных с ними прав» (*Religioznaya tolerantnost', b*). Формально же приведенные суждения в полной мере согласуются с адресованным государством обществу нормативным посылом из преамбулы ФЗ «О свободе совести».

Повторим тезис о том, что «типичный» верующий считает адекватным только свой символ веры. Тогда существо «субъективной» терпимости в вопросах свободы совести может быть выражено формулой: «терпимость предполагает ... терпение по отношению к тому, кто еще не в силах осознать адекватность «моего» и ущербность «своего» вероучений».

Хорошо это или плохо, но именно подобной мотивацией, основанной на значимости религиозной терпимости, сегодня характеризуется отношение многих верующих к иноверию. Для них терпимость является важным если не единственным фактором собственного межрелигиозного самоосознания, в том числе и в плане недопущения агрессивного поведения по отношению к иноверующим. Такое положение вещей, в частности, явилось следствием того, что терпимость к иноверию как один из столпов религиозной сферы российское государство «транслирует» обществу уже более 20 лет. Поэтому прямое исключение из текста закона термина «терпимость», как показали наши опросы, неизбежно затронуло бы религиозные чувства значительного числа верующих вплоть до оскорбления.

Из 73 опрошенных лиц, назвавшихся верующими, категорически против толерантности в качестве свойства религиозного пространства высказались 26 человек. При этом, 23 опрошенных определенно высказались в пользу терпимости в вопросах веры. Несмотря на то, что исследование было пилотажным, можно говорить о том, что терпимость в вопросах веры обладает высокой ценностно-рейтинговой значимостью в мироотношенческой картине значительного количества верующих.

Следует обратить внимание, что до недавнего времени сама идея о замене в российском религиозном пространстве веротерпимости на религиозную толерантность могла бы вызвать вопросы о наличии в такой идее признаков статьи 148 УК РФ. И хотя известны мнения исследователей о юридической неоднозначности состава, предусмотренного частями 1 и 2 данной статьи (*Sergeev, 2018: 129-130*), печальная практика применения соответствующих норм «на слуху», в том числе и в гораздо более «безобидных» ситуациях, чем критика веротерпимости, поддерживаемой законом и крупнейшими российскими сообществами верующих.

Между тем, после признания Россией «Резолюции ООН», вероятность того, что целью интеграции начал религиозной толерантности в Российскую действительность правоприменители могут признать оскорбление религиозных чувств верующих, представляется крайне незначительной. Но, при этом, нельзя упускать из вида, что чувства верующих идеями о толерантности, все-таки, могут быть уязвлены, даже несмотря на отсутствие в этой идее признаков пунктов 1 и 2 статьи 148 УК РФ.

В связи с этим, очевидно, что немедленное исключение из закона конструкции о терпимости в вопросах свободы вероисповедания с криминологической точки зрения чревато неблагоприятными последствиями. Поэтому оптимальной представляется такая коррекция фрагмента преамбулы, чтобы «терпимость» из текста не исключалась, но, при этом, адресаты закона ориентировались на ценности терпимости в вопросах веры лишь как на временные. Ценности же религиозной толерантности должны быть указаны как стратегические цели. Соответствующая редакция фрагмента преамбулы в сопоставлении с действующей приводится ниже.

Действующая редакция фрагмента: «считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания».

Предлагаемая редакция фрагмента: «считая важным поддерживать терпимость, а также всемерно содействовать переходу к принятию и правильному пониманию многообразия подходов, достижению взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания ...».

Предлагаемый текст указывает на поддержку государством терпимости в вопросах веры как актуального на сегодняшний день принципа построения религиозного

пространства. Также указывается на ценности религиозной толерантности в качестве стратегической цели правового регулирования. Это позволяет показать, что «терпимость» в вопросах веры является пусть и важным, но лишь временно-промежуточным состоянием в стратегии построения в России религиозного пространства на началах толерантности. Кроме того, предлагаемая редакция позволит в порядке общесоциального предупреждения и ранней профилактики создавать условия для формирования у верующих устойчивых «субъектно-самодостаточных» личностных предпосылок неагрессивного поведения по отношению к иноверующим и их общностям.

С уголовно-правовой точки зрения представляется уместным предусмотреть ряд мер ответственности за воспрепятствование установлению в религиозном пространстве России начал религиозной толерантности. Между тем, данная мера будет иметь смысл лишь в случае реальной заинтересованности государства в последовательном переводе национального религиозного пространства в состояние религиозно толерантного.

4. Результаты

Результатом проведенного авторами в рамках исследования анализа соотношения терпимости в вопросах веры и религиозной толерантности стал вывод о стратегической предпочтительности начал религиозной толерантности для построения религиозного пространства страны. При этом, немедленный отказ от терпимости в пользу толерантности в вопросах веры может вызвать нежелательную с криминологической и уголовно-правовой точек зрения реакцию со стороны тех верующих, для которых терпимость в вопросах веры была в последние годы основным или важным принципом религиозной самоидентификации. В связи с этим, авторами предложен постепенный переход к началам религиозной толерантности с обязательностью четкого обозначения факта поддержки и одобрения государством терпимости в вопросах веры как текущего блага для целей построения неагрессивного религиозного пространства. Предложена редакция изменения в закон.

5. Заключение

Таким образом, в Российской Федерации назрела необходимость последовательного отказа от начал веротерпимости в пользу религиозной толерантности. Данный комплекс мер явится важнейшим шагом к предупреждению религиозной преступности. Для перехода к режиму религиозной толерантности следует, прежде всего, исключить разного рода имитационные и притворные действия, особенно со стороны государства и наиболее многочисленных религиозных сообществ. В религиозной сфере подобная имитационность недопустима.

References

Danilov, 2015 – Danilov, A.P. (2015). Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpmosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti) [Prestupnostivedcheskoe position of tolerance (criminological theory of tolerance)]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra. Zhurnal Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba*, № 4. pp. 27-31.

Declaration of Principles of Tolerance, 1995 – Declaration of Principles on Tolerance. Resolution adopted by the UNESCO on 16 November 1995. [Elektronnyj resurs]. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (data obrashcheniya 11.06.2019).

Enlightenment and religious tolerance, 2018 – Enlightenment and religious tolerance. Resolution adopted by the United Nation General Assembly on 12 December, 2018 [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/128 (data obrashcheniya 11.06.2019).

Karpushkin, 2008 – Karpushkin, A.V. (2008). Konstitucionno-pravovye aspekty religioznoj tolerantnosti vo vzaimootnosheniyah gosudarstva s religioznymi ob"edineniyami [Constitutional and legal aspects of religious tolerance in relations between the state and religious associations]. *Obshchestvennye nauki. Politika i pravo*, № 4. pp. 91-95.

Kirillov, 1998 – Kirillov, S.I. (1998). Lichnost' prestupnika: problemy tipologii [The personality of the criminal: problems of typology]. Kursk. 380 p.

Kirillov, Sechenova, 2019 – Kirillov, D.A., Sechenova, E.G. (2019). O rassoglasovannosti v regulirovanii re-ligioznoj tolerantnosti Konstituciej Rossii i nacional'nym zakonoda-tel'stvom o svobode sovesti [On the Mismatch in the Regulation of Religious Tolerance by the Russian Constitution and National Legislation on Freedom of Conscience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, T. 5. № 1. pp. 74-91.

Kul'tura tolerantnosti v islame, 2016 – Kul'tura tolerantnosti v islame [Culture of tolerance in Islam]. Islamskij informacionnyj portal «islam.ru». 22 iyulya, 2016. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43540> (data obrashcheniya 11.06.2019).

Laritsev, 2011 – Laritchev, V.D. (2011). Obshchesocial'noe preduprezhdenie prestupnosti. Chto ehto, vid kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestupnosti ili prosto postupatel'noe razvitie obshchestva? (Postanovka voprosa) [General social crime prevention. What is this, a kind of criminological crime prevention or just the progressive development of society? (Statement of question)]. *Obshchestvo i pravo*, № 1. pp. 130-133.

Migushenko, 2015 – Migushchenko, O.N. (2015). Protivodejstvie religioznomu ehkstre-mizmu: postanovka problem [Combating religious extremism: the problem]. *Yuridicheskij mir*, № 11. pp. 54-59.

Potapova, 2010 – Potapova, N.V. (2010). Veroispovednoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii v nachale XX v.: "svoboda sovesti" i "veroterpimost" [Religious legislation of the Russian Empire in the early XX century : "freedom of conscience" and "religious tolerance"]. *Istoriya gosudarstva i prava*, № 10. pp. 25-32.

Religioznaya tolerantnost', a – Religioznaya tolerantnost'. Portal «Center-YF». [Religious tolerance. «Center-YF»]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/religioznaya-tolerantnost.php> (data obrashcheniya 11.06.2019).

Religioznaya tolerantnost', b – Religioznaya tolerantnost'. Portal «Christ Civilization». [Religious tolerance. «Christ Civilization»]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://christ-civ.livejournal.com/4256.html> (data obrashcheniya 11.06.2019).

Sergeev, 2018 – Sergeev, D.N. (2018). Zakonotvorchestvo v sisteme ugolovno-pravovogo regulirovaniya [Lawmaking in the system of criminal law regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, № 1. pp. 125-133.

Sternin, 2014 – Sternin, I.A. (2014). Tolerantnost' i terpimost' [Tolerance and Patience]. 18 oktyabrya. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/188-tolerantnost-i-terpimost> (data obrashcheniya 11.06.2019 g.).

Terpimost' i tolerantnost' – Terpimost' i tolerantnost'. Oficial'nyj sajt Nikol'skogo hrama p. Dobrinka Lipeckoj oblasti Lipeckoj eparhii RPC MP. [Patience and tolerance. The official site of St. Nicholas Church of p. Dobrinka Lipetsk region Lipetsk diocese ROC MP]. [Elektronnyj resurs]. URL: http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/o-2672

Zolotukhin, 2003 – Zolotukhin, V.M. (2003). Terpimost' i tolerantnost': skhodstvo i razlichie [Patience and Tolerance: Similarities and Differences]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, № 2. pp. 93-100.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты религиозной толерантности в России

Дмитрий Александрович Кириллов^a, Оксана Вячеславовна Павленко^a

^a Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Российский закон, ориентирующий общество на взаимное понимание, терпимость, а также уважение в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, содержит латентные криминогенные предпосылки. Так, терпимость в вопросах веры предполагает определенный психологический дискомфорт верующего в отношении иноверующего. Терпимость человека по отношению к объекту и одновременное уважение этим человеком данного же объекта логически несочетаемы. Следует обратить внимание,

что с криминологической точки зрения наиболее устойчивые предпосылки правомерного поведения верующих в отношении иноверующих обеспечивает религиозная толерантность. Ее базовыми принципами в целом являются уважение к иноверию, принятие и правильное понимание многообразия вероучений и форм проявления религиозности. Веротерпимость противоречит содержанию религиозной толерантности. В официальных документах отношение России к религиозной толерантности долгое время отражения не находило. Поэтому ожидать, например, замены идей веротерпимости на идеи религиозной толерантности было достаточно трудно. 12 декабря 2018 года Россия поддержала резолюцию о религиозной толерантности, принятую Генеральной Ассамблей ООН. Это позволяет предположить, что теперь потенциал религиозной толерантности можно будет интегрировать в систему принципов российского религиозного пространства. Очевидно, следует исключить из закона фрагмент о терпимости в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Однако, здесь следует учитывать и уголовно-правовые ограничения, в частности, статью 148 Уголовного кодекса. Сегодня именно веротерпимость имеет большое значение для многих верующих. В такой ситуации скоропалительное исключение из текста закона термина «терпимость» может повлечь оскорбление их религиозных чувств. Поэтому авторами предлагается такая редакция закона, в которой ценности терпимости в вопросах веры указаны как важные, но временные, а ценности религиозной толерантности – как стратегические.

Ключевые слова: криминология и уголовное право, резолюция о религиозной толерантности, терпимость в вопросах веры, религиозная толерантность, законодательная замена терпимости на толерантность, оскорбление чувств верующих, религиозное пространство.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2019, 6(1): 18-24

DOI: 10.13187/zngup.2019.1.18
<http://ejournal22.com>

Judicial Protection of the Rights of Children – Citizens of the Russian Federation in Adoption: International and Domestic Aspects

Marina Sosedova ^{a, *}

^aYelets City's Court, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the judicial protection of the rights of children. The use of international law by the courts is an additional guarantee of respect for the rights of minors. This is especially true when resolving issues of adoption of children by the spouse of the parent (stepmother, stepfather).

The purpose of this article is to discuss controversial issues arising from the consideration of this category of cases, taking into account the norms of international and domestic law. The author justifies the need for the participation of a psychologist during the adoption procedure.

The legal procedure of adoption and respect for the interests of the child is the prevention of domestic violence. This article focuses on the legal issues of the judicial protection of children's rights in adoption, taking into account the international and domestic aspects of this procedure.

Keywords: adoption, adoption, secret of adoption, stepmother, stepfather, psychologist, psychological and pedagogical research.

1. Введение

Защита прав несовершеннолетних детей является наиважнейшей задачей любого правового государства.

Согласно ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

В соответствии со статьей 1 Декларации ООН "О социальных правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном международном уровнях" каждое государство должно уделять первоочередное внимание благополучию семьи и ребенка 1986 года ([Deklaratsija, 1986](#)).

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи стали международно-правовые нормы, законодательство и судебная практика РФ, а также публикации в журналах и прессе. При исследовании применялись методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический метод, другие методы научного познания.

* Corresponding author

E-mail addresses: sosedova1965@gmail.com (M. Sosedova)

3. Обсуждение

В международном праве подробно регламентируются права ребенка при его устройстве в форме усыновления (удочерения). Предусмотрены гарантии соблюдения интересов несовершеннолетнего ребенка при данной процедуре.

Российское государство учитывает международные нормы и принципы. Законодательство РФ также предусматривает гарантии соблюдения прав участников при процедуре усыновления, отдавая приоритет соблюдению прав и законных интересов ребенка. В то же время имеются внутрисударственные аспекты, требующие дополнительного урегулирования.

Особенно это актуально при усыновлении (удочерении) ребенка супругом родителя (мачехой, отчимом), являющегося гражданином иностранного государства, а также при усыновлении ребенка-гражданина РФ гражданами иностранного государства.

Рассмотрим судебную процедуру усыновления (удочерения) ребенка в Российской Федерации, обратив внимание на спорные правовые вопросы – сохранение тайны усыновления, учет интересов ребенка.

Одним из важнейших требований усыновления является сохранение тайны усыновления. Понятие «тайны усыновления» (какие сведения составляют тайну усыновления), законодательно до сих пор не определено. Например, непонятно, составляют ли тайну усыновления изменение усыновителями даты рождения ребенка?

При рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) в Российской Федерации участники процесса предупреждаются об уголовной ответственности за разглашение сведений, которые стали известны в связи с рассмотрением этого дела (п. 1 ст. 139 СК РФ). Это связано с тем, что вопрос усыновления напрямую связан с вопросом личной и семейной жизни, охрана которой гарантируется Конституцией РФ.

Граждане, усыновляя ребенка, чаще всего желают не распространять информацию о его усыновлении, в том числе, по возможности, не информируя об этом самого усыновленного. Причины, побуждающие к этому различны: морально-этические, страх перед сложностями в становлении детско-родительских отношений, если ребенок будет знать о том, что его отец и мать не являются его биологическими родителями и т.д.

Поэтому процессы при рассмотрении дел об усыновлении являются закрытыми, количество участников процесса относительно ограничено: усыновители (обязательное личное участие), прокурор, орган опеки и попечительства, защищающий права ребенка, сам ребенок (если он достиг четырнадцати лет). При осуществлении правосудия по этой категории дел преимущественно рассматриваются письменные доказательства, но практически не допрашиваются свидетели (в случае усыновления ребенка гражданами РФ). Это обстоятельство обусловлено требованием сохранения тайны усыновления. Чем меньше должностных лиц, граждан будут знать о факте усыновления, тем меньше риска распространения этой информации.

При этом встречаются случаи, когда судья, рассматривающий дело, может обладать неполными сведениями об отношениях усыновителей и усыновляемого ребенка. Ведь выводы председательствующему придется делать руководствуясь жизненным опытом – на основании предоставленных документов, заключений компетентных органов и собственного впечатления.

Наибольшая сложность возникает при усыновлении (удочерении) ребенка супругом родителя (отчим, мачеха). Еще несколько лет назад ребенок, не достигший десяти лет, до недавнего времени исходя из судебной практики, не опрашивался в судебном заседании. Следовательно, его интересы, потребности желания быть (либо не быть) усыновленным опосредованно доводились до сведения судебных органов, через заключение органов опеки и попечительства, представители которых зачастую ограничиваются беседой с родителем ребенка и усыновителем.

В настоящее время ситуация изменилась, благодаря ориентации Верховного суда на опрос ребенка в судебном заседании, во всех случаях, когда ребенок достиг достаточной степени развития и способен в силу этого сформулировать свои собственные взгляды.

Мнение детей в возрасте до десяти лет по вопросу их усыновления путем их опроса в судебном заседании выяснялось Верховным Судом Республики Дагестан, Верховным Судом

Чувашской Республики, Приморским и Хабаровским краевыми судами, Архангельским, Владимирским, Волгоградским, Вологодским, Иркутским, Кемеровским, Омским и Смоленским областными судами, Санкт-Петербургским городским судом, судом Еврейской автономной области ([Obzor, 2018](#)).

В то же время достигший десятилетнего возраста (либо ребенок, достигший меньшего возраста, но достаточной степени развития, способный сформулировать свои собственные взгляды) испытывает сложность в столь короткий временной период судебного заседания, дать полную информацию о сложившихся взаимоотношениях с усыновителем.

Как правило, усыновляемому ребенку задаются типичные вопросы: какие отношения у него с усыновителем (отчимом, мачехой), к кому в семье он чувствует привязанность, нравится ли ему проводить время с усыновителем и т.д. Ребенок может испытывать искреннюю симпатию к мачехе (отчиму). Однако не исключена ситуация, когда несовершеннолетний ребенок дает ответы, полагая, что именно такой информации от него ждут взрослые и, прежде всего, его биологический родитель. Возможно, что ребенок не осознает все последствия своих ответов на вопросы, которые расцениваются как одно из доказательств (возможности или невозможности удовлетворения заявления об усыновлении). Могут быть ситуации, при которых не совпадают интересы ребенка и интересы усыновителя, но из объяснений несовершеннолетнего ребенка это выявить сложно. Ребенок отвечает утвердительно на вопросы о хороших взаимоотношениях с отчимом (мачехой), не испытывая родственных чувств (скрывая по разным причинам свое настоящее отношение к факту усыновления).

Между тем в любом случае, приоритет должен отдаваться интересам несовершеннолетнего усыновляемого. Кроме того, сам факт опроса ребенка в судебном заседании способствует тому, что тайна усыновления может быть раскрыта самим несовершеннолетним ребенком, который в соответствии со своим возрастом и психологическим развитием, имеет возможность сделать выводы о своем усыновлении.

При рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) решением спорного аспекта явилось бы введение в состав участников процесса психолога, который обследует ребенка, дает письменное заключение и показания в процессе. В данном случае его статус соответствовал бы не органу (должностному лицу) для дачи заключения по делу в порядке статьи 47 ГПК РФ, а, скорее, специалисту, чье заключение являлось бы обязательным при рассмотрении дела (по аналогии с проведением экспертизы при рассмотрении дел о признании гражданина недееспособным).

Как отражено в Обзоре практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации ([Obzor, 2018](#)), при решении вопроса о возможности опросить в суде ребенка, не достигшего возраста десяти лет, судом выяснялось мнение руководителя детского учреждения, в котором находился ребенок, представителя органа опеки и попечительства, позиция которых основывалась на результатах проведенного в детском учреждении тестирования ребенка, заключениях врачей, педагога-психолога.

Предпринимаемые действия, процедура опроса ребенка соответствовала соблюдению его прав и предоставляла возможность выяснить интересы ребенка. В то же время заключение психолога, который имел бы право беседовать с ребенком в непринужденной обстановке (вне зала судебного заседания, что способствовало сохранению тайны усыновления), с использованием соответствующих методик, давало бы более полную информацию по вопросам взаимоотношений усыновляемого и усыновителя.

Психолог имеет возможность не только предоставить суду сведения о наличии имеющихся отношений между ребенком и его усыновителем, но и прогнозировать развитие родительско-детских отношений в будущем, дать усыновителю и родителю рекомендации позволяющие укрепить взаимоотношения. Информационные советы психолога позволят родителям обеспечить усыновляемому (удочеряемому) ребенку полноценное психическое и нравственное развитие в семье.

Положительная практика привлечения психолога при усыновлении имеется. С 2015 года Ростовским областным судом по делам об усыновлении детей, в порядке статьи 188 ГПК РФ привлекались в качестве специалистов педагоги-психологи, в Липецкой области (в частности, практика Елецкого городского суда Липецкой области при рассмотрении дел об усыновлении привлекались психологи для дачи заключения по делу).

По одному делу из заключения психолога, сделанного на основе анализа рисунков усыновляемого мальчика, биологический родитель (мать) и усыновитель (отчим) получили информацию, что ребенок в равной степени привязан к матери и отчиму, но после рождения младшего брата, чувствует недостаток внимания, который требует восполнения в целях сохранения родительско-детских отношений.

Введение психолога как участника процесса при рассмотрении дел об усыновлении, нельзя расценить как вмешательство в семейную жизнь. Проанализируем это со ссылкой на нормы международного права.

Нормы, охраняющие произвольное вмешательство в семейную жизнь, закрепленные в российском законодательстве, соответствуют положениям международного права. Согласно ч. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни.

Согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Пунктами 5.1, 14.3 и 16.1 Пекинских правил предусматривают, что судебное разбирательство должно отвечать интересам несовершеннолетнего и осуществляться в атмосфере понимания, при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его благополучии должен служить определяющим фактором ([Minimal'nye, 1985](#)).

Это в полной мере можно отнести к вопросам усыновления. Таким образом, участие в деле об усыновлении психолога не затрагивает основы личной и семейной жизни, не нарушает основные принципы, закрепленные в этой области в международном праве и внутригосударственном законодательстве.

С учетом мнения биологического родителя или руководителя детского учреждения, если ребенок находится в этом учреждении, представителя органа опеки и попечительства, заключения врачей, возможен опрос ребенка вне судебного заседания с участием психолога, в том числе и в случаях, усыновления ребенка гражданами иного государства.

Например, если ребенок страдает определенными видами заболеваний, имеет индивидуальные особенности поведения, а также в случаях, если ранее имело место усыновление ребенка и отказ от усыновления. В последней ситуации сам факт – вызов в судебное заседание и присутствие в суде порождает у ребенка надежды на безусловное окончательное решение вопроса о его определении в семью (усыновлении, удочерении). В силу возраста, несовершеннолетний ребенок не всегда может прогнозировать дальнейшие последствия, и, как правило, желает только одного – обрести родителей, то есть усыновления (удочерения).

Рассмотрим возможность участия психолога при усыновлении ребенка гражданина РФ иностранным гражданином (родитель – гражданин РФ, усыновитель – супруг родителя гражданин иного государства), либо оба усыновителя – граждане иностранного государства, а ребенок – гражданин РФ (с учетом необходимости сохранения тайны усыновления и соблюдения прав ребенка).

Согласно абзаца 2 п. 1 ст. 165 СК РФ, при усыновлении (удочерении) на территории РФ иностранными гражданами или лицами без гражданства ребенка, являющегося гражданином России, должны быть также соблюдены требования статей 124-126, статьи 127 (за исключением подпункта 7 пункта 1), ст. 128 и 129, ст. 130 (за исключением абзаца пятого), ст. 131-133 Кодекса с учетом положений международного договора РФ о межгосударственном сотрудничестве в области усыновления детей.

Усыновление (удочерение) на территории РФ иностранными гражданами или лицами без гражданства, состоящими в браке с гражданами РФ, детей, являющихся гражданами

России, производится в порядке, установленном Кодексом для граждан РФ, если иное не предусмотрено международным договором РФ.

При рассмотрении дела об усыновлении ребенка гражданами иностранного государства либо отчимом (мачехой) гражданином иностранного государства дело будет также рассматриваться в закрытом заседании, подсудно областным и равным им судам, то есть привлечение психолога, для дачи заключения, предупрежденного об уголовной ответственности, отрицательно не скажется на сохранении тайны усыновления.

При рассмотрении дел данной категории сохранение тайны усыновления может быть не предусмотрено законом государства, гражданином которого является усыновитель. Поэтому получится как бы «одностороннее» сохранение тайны усыновления при рассмотрении заявления об усыновлении соответствующим судом РФ – в обязательном порядке. В дальнейшем многое зависит от законодательства страны, гражданами (гражданином) которой являются усыновители (усыновитель) и от воли усыновителей (усыновителя и родителя ребенка).

В судебных заседаниях при рассмотрении дел этой категории суды часто удовлетворяют ходатайства о допросе свидетелей, особенно это бывает в случаях, когда после усыновления ребенка гражданином иностранного государства отчимом (мачехой), будет изменено место жительства ребенка. Если биологический родитель и усыновитель (или усыновители) и ребенок, после усыновления меняют страну пребывания (проживания), то уменьшается актуальность в требованиях сохранения тайны усыновления по месту рассмотрения дела, но не уменьшается потребность в заключении психолога. Напротив, в этих ситуациях проведение психолого-педагогического обследования усыновляемого ребенка и усыновителя, наиболее актуально. Ребенок и усыновитель могут разговаривать на разных языках, иметь различное вероисповедание. В то же время это не может являться безусловным основанием к отказу в удовлетворении заявления, исходя из интересов ребенка. Установить истинную картину взаимоотношений поможет заключение психолого-педагогической службы. Допрос психолога в судебном заседании позволит выяснить все спорные вопросы, исключив непонимание участниками процесса происходящего, в конечном итоге, законное и обоснованное решение, вынесенное на основе всестороннего исследования доказательств в полном объеме, вызовет доверие к суду.

Международные нормы закрепляют принцип соблюдения прав детей, в том числе оставшихся без попечения родителей, для которых приоритетным является устройство на воспитание в семью. Усыновление (удочерение) допускается исключительно в интересах ребенка и имеет целью обеспечение постоянной семьи для него. Приобретая семью, ребенок должен иметь возможность получить тепло и заботу, на которую вправе рассчитывать. Поспешное решение об удовлетворении заявления об усыновлении, без учета истинных интересов ребенка, может привести к негативным последствиям, одним из которых является отмена усыновления. Участие в рассмотрении дел об усыновлении психолога как процессуальной фигуры способствовало бы профилактике семейного насилия, уменьшило бы количество последующих обращений усыновителей с заявлением об отмене усыновления.

Само усыновление как процедура воспринимается достаточно позитивно, поскольку несет надежду на счастье ребенка. Случаи его отмены формируют так называемое «вторичное сиротство» (вторичный отказ). Психологические последствия этого явления далеко не так оптимистичны. Дети, как минимум, получают психологическую травму и перспективу нравственной и психологической деградации, теряют оставшееся доверие к взрослым, разочаровываются в институте семьи.

К сожалению, случаи отмены усыновления имеют место; они не единичны. В любом случае отмена усыновления является травмой для ребенка. Но при усыновлении несовершеннолетнего ребенка усыновителями, гражданами иного государства, для ребенка наступают последствия более значительные, поскольку ребенок предпринимает попытки не только принять усыновителей в качестве родителей, но и принять иную культуру, обычаи, язык как часть своей жизни. Это достаточно сложно. Однако еще более сложно, когда несовершеннолетний ребенок лишается всего этого в силу отмены усыновления.

К примеру, Решением Волгоградского областного суда удовлетворено заявление заместителя прокурора Волгоградской области об отмене усыновления данного ребенка супругами - гражданами Италии, произведенного в январе 2016 года. Основанием послужили действия одного из усыновителей в отношении усыновленного ребенка, за совершение которых он был осужден по части 1 статьи 116 УК РФ – нанесение побоев, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК. Указанные действия имели место спустя незначительное время после вынесения судом решения об усыновлении. При этом, как установлено в ходе следствия, второй усыновитель (супруга) в момент инцидента никакого сочувствия к ребенку не проявляла, действия своего супруга не пресекала ([Obzor, 2018](#)).

С.В. Медведев, А.С. Медведева предлагают предусмотреть в ч. 2 ст. 140 СК РФ участие психолога в делах, связанных с отменой усыновления ребенка, либо обязательную судебную психиатрическую экспертизу по таким делам. Безусловно, это являлось бы действенной мерой для защиты прав ребенка ([Medvedev, Medvedeva, 2017 : 11](#)).

4. Результаты

Как видим, предотвращение отмены усыновления, предусмотрев дополнительные гарантии при проведении процедуры усыновления, также соответствует правам ребенка. Тщательное изучение личности усыновителя (усыновителей), взаимоотношений между ребенком и усыновителем (усыновителями) позволит уменьшить количество дел об отмене усыновления, предотвратит ситуации семейного насилия.

Дополнительной гарантией защиты прав детей при проведении процедуры усыновления, в том числе, если усыновители (усыновитель) являются гражданами иностранного государства и при удовлетворении заявления об усыновлении ребенок изменит страну пребывания, является участие в рассмотрении дела психолога, дающего заключение по делу и опрошенного в судебном заседании.

5. Заключение

На мой взгляд, необходимо внести изменения в законодательство РФ.

В СК РФ нужно предусмотреть:

а) обязательное участие психолога при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) отчимом (мачехой), иностранными гражданами детей, в том числе при усыновлении отчимом (мачехой) гражданином иностранного государства ребенка-гражданина РФ.

б) обязательность психолого-педагогической экспертизы для диагностики отношений между ребенком и усыновителем (усыновителями) для целей выявления психологических особенностей как лица (лиц) претендующего на усыновление, так и самого ребенка.

2. Внести изменения в ГПК РФ, определив процессуальное положение психолога при рассмотрении такой категории дел, наделив его правами и обязанностями, указав, что психолог должен иметь диплом о высшем образовании и стаж работы с детьми не менее 5 лет. Аналогичные требования необходимо предусмотреть в отношении педагога при участии его в экспертизе.

Дополнительные гарантии законности усыновления на внутригосударственном аспекте – в РФ, будет способствовать соблюдению прав и учету интересов несовершеннолетних детей при проведении процедуры усыновления и одновременно являться действенной профилактикой случаев семейного насилия, как в РФ, так и за рубежом.

References

[Deklaratsiya, 1986](#) – Deklaratsiya o sotsial'nykh i pravovykh printsipakh, kasayushchikhsya zashchity i blagopoluchiya detei, osobenno pri peredache detei na vospitanie i ikh usynovlenii na natsional'nom i mezhdunarodnom urovnyakh: Rezolyutsiya General'noi Assamblei OON ot 3 dekabrya 1986 g. № 41/85 [Declaration on Social and Legal Principles relating to the Protection and Welfare of Children, with Special Reference to Foster Placement and Adoption Nationally and

International: General Assembly resolution 41/85 of December 3, 1986]. [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml

Medvedev, Medvedeva, 2017 – Medvedev S.V., Medvedeva A.S. (2017). Otmena usynovleniya dolzhna byt' isklyuchitel'noi meroi, presleduyushchei tsel' zashchity prav i interesov rebenka [Cancellation of adoption should be an exceptional measure, pursuing the goal of protecting the rights and interests of the child]. *Semeynoe i zhikischnoe pravo*. № 3. pp. 8-11.

Minimal'nye, 1985 – Minimal'nye standartnye pravila OON, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh: prinyaty Rezolyutsiei 40/33 na 96-m plenarnom zasedanii GA OON 29.11.1985 [United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice: Adopted by General Assembly resolution 40/33 of 29 November 1985]. [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml

Obzor, 2018 – Obzor praktiki rassmotreniya v 2017 godu oblastnymi i ravnymi im sudami del ob usynovlenii detei inostrannymi grazhdanami ili litsami bez grazhdanstva, a takzhe grazhdanami Rossiiskoi Federatsii, postoyanno prozhivayushchimi za predelami territorii Rossiiskoi Federatsii (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 30 maya 2018 g.) [Review of the practice of consideration in 2017 by regional and equal courts of cases on the adoption of children by foreign citizens or stateless persons, as well as citizens of the Russian Federation permanently residing outside the territory of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 30, 2018)]. [Electronic resource]. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/thematics/26857>

Судебная защита прав детей – граждан Российской Федерации при усыновлении: международные и внутригосударственные аспекты

Марина Васильева Соседова ^{а, *}

^а Елецкий городской суд, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена судебной защите прав детей. Применение судами норм международного права является дополнительной гарантией соблюдения прав несовершеннолетних. Особенно это актуально при разрешении вопросов усыновления (удочерения) детей супругом родителя (мачехой, отчимом).

Цель настоящей статьи обсуждение спорных вопросов, возникающих при рассмотрении этой категории дел с учетом норм международного и внутригосударственного права. Автор обосновывает необходимость участия психолога при проведении процедуры усыновления.

Законная процедура усыновления и соблюдение интересов ребенка является профилактикой домашнего насилия. Настоящая статья посвящена правовым вопросам судебной защиты прав детей при усыновлении, с учетом международных и внутригосударственных аспектов этой процедуры.

Ключевые слова: усыновление, удочерение, тайна усыновления, мачеха, отчим, психолог, психолого-педагогическое исследование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sosedova1965@gmail.com (М.В. Соседова)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2019, 6(1): 25-33

DOI: 10.13187/zngup.2019.1.25
<http://ejournal22.com>

Some Problems on the Fight against Cybercrimes in the Russian Federation

Victor V. Vorobyov^{a, *}

^a Syktyvkar State University, Russian Federation

Abstract

Crime in the sphere of computer information tends to increase steadily and affects the most important areas of activity of not only individual states but the global community as a whole. In this connection, improving of the legislation for counteraction against these criminal attempts becomes an urgent task of today.

Through analysis, logical and comparative-legal methods of cognition, it has been found that the Russian criminal legislation in the sphere of struggling cybercrime has a number of fundamental defects, among them: the lack of legal interpretation of many terms in Articles 159.3, 159.6, 187, 272, 273, 274 of the Criminal Code of the RF; faults in the structure of these Articles; incompliance of the Russian criminal legislation with the international legal acts, as well as faults in international cooperation in the sphere of cybercrime counteraction.

The data of court statistics on the convicted for cybercrimes in Russia from 2003 till 2016 substantiate the conclusions on the presence of certain problems in this sphere of law enforcement activity.

The cognition methods of synthesis, summarizing and analogy enabled to give the author's definition to such notions as "illegal access to computer information" and "harmful software". To improve the Russian criminal legislation, we propose amendments to Articles 272-273 and criticize the new Article 274.1 of the Russian Criminal Code.

The materials of the research can be useful for law-makers, scholars of legal disciplines, personnel of the law enforcement bodies, judges of criminal courts, professors and students of law faculties.

Keywords: Cybercrime; illegal access to computer information; harmful software; rules of exploitation of facilities for storing, processing or transmitting the computer information; fraud in the sphere of computer information; counteraction against crime.

1. Введение

Развитие информационных технологий породило такое криминальное явление как компьютерная преступность. Эти преступления затрагивают практически все сферы жизни человека, где присутствуют информационные технологии. Появление новых видов преступлений неразрывно связано с естественным прогрессом в этой области, что, естественно, требует постоянного совершенствования не только технических и программных средств противодействия, но и законодательного регулирования в сфере борьбы с компьютерными преступлениями.

* Corresponding author
E-mail addresses: vorobvv@gmail.com (V.V. Vorobyov)

2. Материалы и методы

В настоящей работе были использованы научные труды таких исследователей как М.В. Богомолов, В.В. Крылов, А.Л. Осипенко, Е.И. Панфилова, А.С. Попов, А.В. Сизов, В.П. Числин. Подвергнуты детальному анализу статьи Уголовного кодекса РФ, международные соглашения по вопросам борьбы с компьютерной преступностью, материалы судебной практики и судебной статистики в части привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение и аналогия.

3. Обсуждение

В уголовном законодательстве РФ предусмотрена ответственность за такие виды компьютерных преступлений как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 273 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) и нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Кроме этого в УК РФ имеются такие составы преступления, как мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6), неправомерный оборот средств платежей (ст. 187). Эти составы в России принято относить к преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Данные судебной статистики в Российской Федерации свидетельствуют о том, что число лиц, осужденных за преступления в сфере компьютерной информации до 2010 года увеличивалось, а начиная с 2011 года стало уменьшаться. Так в 2003 году за преступления, предусмотренные статьями 272-274 УК РФ число осужденных составило 152 человека, в 2004 – 137, в 2005 – 203, в 2006 – 191, в 2007 – 241, в 2008 – 257, в 2009 – 347, в 2010 – 321, в 2011 – 258, в 2012 – 280, в 2013 – 268, в 2014 – 218, в 2015 – 235, и за первое полугодие 2016 года – 68 человек ([Данные судебной статистики ...](#)).

Такое малое количество осужденных по ст. 272-274 УК можно объяснить тем, что согласно статистике правоохранительных органов России в более чем 50% возбужденных уголовных дел отсутствуют подозреваемые. А при расследовании мошенничеств в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК), лишь в 1 % возбужденных уголовных дел есть подозреваемые.

Судебная статистика, также свидетельствует о том, что Российское правосудие относится к компьютерным преступникам достаточно лояльно. Так, только в 2015 году к реальному лишению свободы были осуждены лишь 5 человек, из них до 1-го года осуждено 4 человека, а до 2-х лет – 1 человек. Условно к лишению свободы были осуждены 42 человека. К ограничению свободы – 43, исправительным работам – 5 и к штрафу осуждены 12 человек. При этом по амнистии от наказания за совершение компьютерных преступлений в 2015 году было освобождено 122 осужденных ([Данные судебной статистики ...](#)).

Кроме этого следует отметить и то, что даже когда лица привлечены к уголовной ответственности и им назначено, как видно, достаточно мягкое наказание, вопрос возмещения причиненного преступлением материального вреда остаётся актуальным. В среднем по данным преступлениям потерпевшим возмещается только 10-20 % материального вреда. Это, от части, вызвано как пробелами в законодательстве, так и недоработками правоохранительных органов, для которых первоочередной задачей является раскрытие преступления, а соблюдение материальных прав потерпевшего вторично, а порой совсем не важно.

В законодательстве России вопросы уголовного преследования и вопросы материального возмещения причиненного ущерба, в целом, разделены. Уголовный суд рассматривает вопросы причастности и виновности лица, вид и размер наказания. Несмотря на то, что в ст. 44 УПК в целях защиты и восстановления материальных прав потерпевшего предусмотрена процедура рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, судьи по уголовным делам, не желая рассматривать гражданские иски, направляют пострадавшую

сторону в гражданский суд, у которого, в свою очередь, другое процессуальное законодательство, сроки, порядок обжалования, затраты на юридическую помощь и т.п.

Таким образом, для лиц, склонных и/или способных к совершению компьютерных преступлений создается ситуация практически безнаказанности за совершаемые преступные деяния. Те, кто и были привлечены к такой сравнительно мягкой ответственности, вряд ли исправятся, а лишь будут более изощренными и осторожными при совершении преступлений в будущем.

Анализ отдельных составов, хотелось бы начать со статьи 272 УК РФ, который предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации.

Обязательными признаками этого преступления являются:

- 1) деяние, которое состоит в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации;
- 2) последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации;
- 3) причинно-следственная связи между совершенным деянием и наступившими последствиями.

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков исключает уголовную ответственность за оконченное преступление, либо свидетельствует о том, что было покушение или приготовление к этому преступлению.

Неправомерный доступ к компьютерной информации совершается только путем действия.

Понятие неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации в законодательстве, науке и в правоохранительной практике трактуется по-разному, что, конечно же, нельзя оставлять без внимания и необходимо попытаться сформулировать унифицированное определение этого понятия.

Приведем примеры толкования термина «доступ к информации» в различных нормативных актах:

1. Так, согласно п.6 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» доступ к информации – это возможность получения информации и ее использования;
2. Закон РФ «О государственной тайне» доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, трактует как санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну (ст. 2);
3. Федеральный закон «О коммерческой тайне» доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, определяет, как ознакомление определенных лиц с информацией, составляющей коммерческую тайну, с согласия ее обладателя или на ином законном основании при условии сохранения конфиденциальности этой информации (п. 5 ст. 3);
4. В Соглашении о сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (вступило в силу для России с 17.10.2008) неправомерный доступ сформулировано как несанкционированное обращение к компьютерной информации.

В науке также наблюдается разность подходов к определению этого термина. Однако весь спектр точек зрения ученых можно свести к двум принципиальным позициям. 1) Под доступом следует понимать получение возможности манипулировать информацией (копировать, модифицировать, уничтожать и т.п.). 2) Доступ – это не только получение возможности манипулировать информацией, но и простое ознакомление с ней без всякого воздействия (Богомолов, 2002; Крылов, 1998; Сизов, 2009; Числин, 2004).

Мне думается, под неправомерным доступом нужно понимать несанкционированное обращение к компьютерной информации, дающее возможность получить или ознакомиться с информацией, использовать эту информацию, воздействовать на неё. Однако принятие данного определения за основу требует внесения изменений в диспозицию ст. 272 УК. Здесь

следует согласиться с А.Л. Осипенко и к числу альтернативных последствий добавить «получение и/или ознакомление с информацией» (Осипенко, 2007).

Защищенность информации программными или техническими средствами не является обязательным признаком состава преступления по ст. 272 УК РФ, иначе это неоправданно сузило бы действие этой статьи. Достаточно и того, что информация защищена законом.

Оконченным преступление будет считаться только при наступлении указанных в ст. 272 УК последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования охраняемой законом компьютерной информации.

В качестве примера такого преступления можно привести уголовное дело в отношении жительницы города Москвы, которая, имея неприязненные отношения к своей знакомой, заведомо зная адрес электронного почтового ящика и фамилию матери потерпевшей, вход в который защищен «Паролем», желая причинить потерпевшей моральный вред, провела операцию по восстановлению пароля, путем ответа на секретный вопрос. Виновная зашла на почтовый сервер, ввела в поле «Имя» – адрес её электронного почтового ящика и, используя операцию восстановления «Пароля», ответив на секретный вопрос – «Фамилия матери», тем самым неправомерно получила доступ к охраняемой законом компьютерной информации, хранящейся в электронном почтовом ящике. После этого она скопировала из электронного почтового ящика три личные фотографии. Далее виновная неправомерно заменила - секретный вопрос – на «Любимая книга», изменила «Пароль» доступа к указанному электронному почтовому ящику. Тем самым виновная совершила копирование охраняемой законом компьютерной информации, модифицировала и блокировала доступ к электронному почтовому ящику потерпевшей, чем причинила последней моральный вред.

В итоге суд приговорил виновную к небольшому штрафу.

Приведенный пример демонстрирует относительно безобидный вид компьютерного взлома, но в истории компьютерной преступности есть более глобальные и опасные взломы.

Так, в 2004 году у компании Microsoft были украдены 31 тысяча файлов и 13,5 миллионов строк исходного кода Windows 2000. Ни специалистам из Microsoft, ни ФБР так и не удалось найти виновников преступления.

Американец Гонсалес в 2009 году провел серию атак на Heartland Payment System и похитил данные десятков миллионов кредитных карт, а также взломал сети TJX Cos, BJS Wholesale Club и Barnes & Noble. Данные с карточек он перепродавал через созданную им группу ShadowCrew. Альберто Гонсалес был приговорен к 20 годам лишения свободы ([Досье на Хакера...](#)).

Компьютерные взломы совершаются как отдельными гражданами, так и организованными группами, в том числе международными. Одной из наиболее известных международных хакерских групп является. В 2010 году Anonymous организовала акцию «Возмездие», в рамках которой атаковала системы Visa, PayPal и MasterCard из-за того, что те отказались проводить платежи сайта WikiLeaks ([Anonymous: los enemigos de los enemigos...](#)). Через год хакеры поддержали движение против социального неравенства под кодовым названием «Захвати Уолл-Стрит» и обрушили сайт Нью-Йоркской биржи. В 2012 году хакеры из этой группировки провели крупную DDoS-атаку на Европарламент ([Хакеры атаковали сайт...](#)). В этом же году «Anonymous» вывели из строя официальный сайт Ватикана ([Vatican confirms second Anonymous...](#)). Во время украинского кризиса совершили атаки на сайты российских СМИ и правительственных структур России ([10 знаменитых хакерских атак...](#)).

В ст. 273 УК РФ законодатель установил ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Вредоносная программа является ключевым понятием, содержащимся в диспозиции ст. 273 УК РФ. Этот термин имеет как доктринальное, так и нормативное толкование.

Представляется, что вредоносность программы заключается не только и не столько в способности уничтожать, блокировать, модифицировать или копировать информацию

(это рабочие функции многих программ), а в том, что они выполняют эти функции помимо воли, согласия (санкции) собственника или другого законного владельца информации (Воробьев, 2015а).

В уголовном праве наблюдается некоторая разница во мнениях по определению понятия «вредоносная программа», однако, принципиально отличающихся точек зрения не встречается. Аналогичная ситуация складывается и в нормативно-правовом толковании этого термина.

Так, в Соглашении о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств (СНГ) в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации указано, что вредоносная программа – это созданная или существующая программа со специально внесенными изменениями, заведомо приводящая к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Дискуссионным остается лишь один вопрос – с какого момента считать создание вредоносной программы окончанным преступлением? Когда программа находится в электронном виде и способна осуществлять вредоносные функции, или же возможно признавать вредоносной программой и текст программы, представленный в любой материальной форме, в том числе в виде записи на бумажном носителе?

В ст. 1261 ГК РФ установлено, что программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Таким образом, возникает ситуация, при которой норма ГК не соответствует основным положениям УК. В уголовном праве России есть понятия приготовления и покушения (ст. 30 УК РФ). Учитывая их содержание, создание исходных подготовительных материалов в ходе разработки программы следует квалифицировать как покушением на преступление (покушение на создание вредоносной программы). В связи с этим подготовительные материалы, полученные в ходе разработки компьютерной программы, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения в контексте данного преступления не могут признаваться компьютерной программой.

Следует пояснить, что положения ст. 1261 ГК РФ не оспариваются, так как эта норма регулирует вопросы защиты авторских прав на компьютерные программы, в связи, с чем такое определение компьютерной программы вполне оправданно, однако, применение его по аналогии в этом случае было бы неверным.

Вышеизложенное приводит нас к выводу о необходимости закрепления в примечании к ст. 273 УК РФ определения такого понятия как «вредоносная компьютерная программа». Я предлагаю под ней понимать компьютерную программу, заведомо предназначенную для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации, ознакомления с ней или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Следует отметить, что распространение исходных текстов вредоносных компьютерных программ, несомненно, имеет общественную опасность и по этому, наряду с распространением вредоносных программ, статья должна быть дополнена распространением исходных текстов вредоносных программ.

Представляется, что вредоносная программа не является предметом преступления, поскольку она оказывает на него вредоносное воздействие. В связи с этим представляется, что вредоносная компьютерная программа не является факультативным признаком объекта преступления состава ст. 273 УК РФ, а выступает в качестве продукта преступной деятельности, который следует относить к объективной стороне состава преступления (Воробьев, 2015b).

По своей конструкции состав является формальным. Преступление признается окончанным в момент создания, распространения или использования вредоносной компьютерной программы независимо от момента наступления последствий.

В УК отсутствует ответственность за приобретение и/или хранение вредоносных программ с целью их использования и/или распространения. В связи с чем, представляется необходимым, наряду с имеющимся перечнем деяний, дополнить данную статью такими действиями, как приобретение и/или хранение вредоносной компьютерной программы или ее исходных текстов с целью окончательного создания, использования и/или распространения этой программы.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что подавляющее большинство раскрытых преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ были совершены непрофессиональными хакерами или программистами, а обычными пользователями компьютеров.

Наиболее типичными преступлениями этого типа являются: копирование и использование вредоносных программ, блокирующих работу веб-ресурсов (как правило, государственных учреждений) или отдельных компьютеров, принадлежащих гражданам; копирование и использование вредоносных программ, перехватывающих трафик и собирающих такие данные как логины и пароли; копирование, использование и распространение вредоносных программ, предназначенных для активации контрафактных программных продуктов, путем нейтрализации средств их защиты.

Намного реже привлекаются лица, обладающие навыками программирования и самостоятельно создающие вредоносные компьютерные программы.

Чаще всего, эти преступления совершаются из хулиганских или корыстных побуждений, и, как правило, квалифицируются по совокупности со ст. 146 УК РФ (Нарушение авторских и смежных прав), реже со ст. 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации).

Статьей 274 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и окончного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, если это причинило кому либо крупный ущерб.

Нарушение правил эксплуатации может выражаться как в полном игнорировании, так и в ненадлежащем соблюдении правил. Нарушение может быть выражено в форме действия или бездействия (совершение запрещенных действий или невыполнение виновным действий, предписанных правилами). Термины «нарушение» и «несоблюдение» правил в контексте данной статьи, следует рассматриваться как равнозначные (синонимы).

Основной проблемой применения данной нормы является отсутствие какой-либо официальной системы правил и инструкций в компьютерной сфере. Поэтому на протяжении последних 20 лет действия УК РФ эта норма практически не применялась.

Серьезным шагом на пути борьбы с компьютерными преступлениями явилось принятие Федерального закона от 26.07.2017 N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». В связи с принятием этого закона в УК РФ была введена новая статья 274.1. (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации).

Представляется, что законодатель мог бы обойтись внесением соответствующих дополнений в статьи 272-274 УК РФ. Новая статья 274.1 УК РФ практически их дублирует с одним лишь дополнением «информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации». Достаточным было бы закрепить этот признак в качестве квалифицирующих обстоятельств в статьях 272-273 УК РФ.

Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» определены субъекты критической информационной инфраструктуры. Это государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка,

топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей (п. 8 ст. 2).

В связи с участвовавшими случаями компьютерных атак на государственные учреждения, крупные корпорации и банки, необходимость принятия этих изменений в законодательстве России давно назрела, а об их эффективности можно будет судить лишь через время.

Участие России в международно-правовом механизме борьбы с киберпреступностью носит региональный, а не глобальный характер. Россия активно участвует в формировании международного законодательства в рамках СНГ. Однако Россия – не член Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г.

Этому, конечно, есть объяснения.

Первое – Конвенция не решает вопросов юрисдикции расследования трансграничных киберпреступлений того или иного государства, ограничиваясь общими положениями. По-прежнему не урегулированы уголовно-процессуальные вопросы. До настоящего времени идут дискуссии о критериях определения места совершения компьютерного преступления, когда затронуты несколько государств.

Второе – Конвенция содержит нормы, противоречащие, по мнению России, её интересам. Так Конвенция, позволяет правоохранительным органам, с добровольного согласия лица, имеющего полномочия раскрыть информацию, получать доступ к компьютерным данным, находящимся на территории другого государства, без согласования с компетентными властями государства, что ограничивает действие принципа национального суверенитета при расследовании преступлений.

4. Результаты

Результатом проведенного автором анализа статей УК РФ были выявлены особенности уголовного законодательства в сфере борьбы с компьютерными преступлениями. Сравнительно правовой метод, аналогия и синтез позволили обнаружить отличительные черты российского и международного законодательства в этой области. При обобщении и логическом сопоставлении Российского законодательства и результатов его применения с зарубежными и международными правовыми актами удалось определить пути совершенствования отечественного уголовного закона в сфере борьбы с компьютерными преступлениями.

5. Заключение

Таким образом, в Российской Федерации возникла острая необходимость дальнейшего совершенствования национального законодательства, а также скорейшего разрешения имеющихся противоречий в международных отношениях по вопросам борьбы с компьютерными преступлениями. России нельзя ограничиваться международным сотрудничеством только в рамках СНГ, нужно, пусть и с оговорками, но не лишаящими смысла сотрудничества, входить в Конвенцию Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185), заключенной в г. Будапеште в 2001 году.

References

[10 znamenitykh khakerskikh atak...](http://masterok.livejournal.com/3346475.html) – 10 znamenitykh khakerskikh atak [10 famous hacker attacks]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://masterok.livejournal.com/3346475.html> (data dostupa 20.08.2017).

[Anonymous: los enemigos de los enemigos...](http://blogs.elpais.com/trending-topics/2010/12/quien-es-anonymous.html) – Anonymous: los enemigos de los enemigos de Wikileaks. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://blogs.elpais.com/trending-topics/2010/12/quien-es-anonymous.html> (data dostupa 20.08.2017).

[Bogomolov, 2002](#) – *Bogomolov M.V.* (2002). *Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernyi dostup k okhranyaemoi zakonom komp'yuternoi informatsii* [Criminal liability for illegal access to computer information protected by law]. Krasnoyarsk, P. 68.

[Chislin, 2004](#) – *Chislin V.P.* (2004). Ugolovno-pravovye mery zashchity informatsii ot nepravomernogo dostupa [Criminal-legal means of protecting information from illegal access]. Avtoref. ... kand. yur. n. M.: Instituta mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A.S. Griboedova, pp. 13-14.

[Dannye sudebnoi statistiki...](#) – Dannye sudebnoi statistiki [Data of court statistics]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data dostupa 20.08.2017).

[Dos'e na Khakera...](#) – Dos'e na Khakera: Al'bert Gonsales. 20 let tyur'my i 170 000 000 ukradenykh kreditnykh kart. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://habrahabr.ru/company/edison/blog/315388/> (data dostupa 20.08.2017).

[Khakery atakovali sait...](#) – Khakery atakovali sait Evroparlamenta [Hackers attacked web-site of Euro parliament]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lenta.ru/news/2012/01/26/euoparl/> (data dostupa 20.08.2017).

[Krylov, 1998](#) – *Krylov V.V.* (1998). Kriminalisticheskie problemy otsenki prestuplenii v sfere komp'yuternoi informatsii [Criminalistic issues of estimating crimes in the sphere of computer information]. *Ugolovnoe pravo*, № 3. P. 84.

[Osipenko, 2007](#) – *Osipenko A.* (2007). Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernyi dostup k konfidentsial'noi komp'yuternoi informatsii [Criminal liability for illegal access to confidential computer information]. *Ugolovnoe pravo*, № 3. pp. 43-47.

[Panfilova, Popov, 1998](#) – *Panfilova E.I., Popov A.S.* (1998). Komp'yuternye prestupleniya: Seriya «Sovremennye standarty v ugolovnom prave i ugolovnom protsesse» [“Modern standards in criminal law and criminal procedure” series]. Pod red. B.V. Volzhenskina. SPb.: SPb. yurid. in-t Gen. prokuratury. P. 28.

[Sizov, 2009](#) – *Sizov A.V.* (2009). Nepravomernyi dostup k komp'yuternoi informatsii: praktika pravoprimeneniya [Illegal access to computer information: practice of law-enforcement]. *Informatsionnoe pravo*, № 1. pp. 32-35.

[Vatican confirms second Anonymous...](#) – Vatican confirms second Anonymous hack. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.zdnet.com/article/vatican-confirms-second-anonymous-hack-10025615/?tag=mncol%253Btxt> (data dostupa 20.08.2017).

[Vorob'ev, 2015a](#) – *Vorob'ev V.V.* (2015). Vredonosnye komp'yuternye programmy v ugolovnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii [Harmful software in the criminal legislation of the Russian Federation]. Putevoditel' predprinimatel'ya. Nauchno-prakticheskoe izdanie: Sb. nauch. trudov. Vyp. XXVI. Pod nauchnoi red. L. A. Bulochnikovoi. M.: Rossiiskaya akademiya predprinimatel'stva; Agentstvo pechati «Nauka i obrazovanie», pp. 92-100.

[Vorob'ev, 2015b](#) – *Vorob'ev V.V.* (2015). O soderzhanii ob'ektivnoi storony sostava stat'i 273 UK RF (sozдание, ispol'zovanie i rasprostranenie vredonosnykh komp'yuternykh programm) [On the content of objective part of corpus delicti by 273 CC RF (creating, using and distributing of harmful software)]. Upravlencheskie aspekty razvitiya severnykh territorii Rossii: Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem) (20-23 oktyabrya 2015 g., Syktyvkar) v 4 ch. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU, Ch. 1. pp. 54-58.

Некоторые проблемы борьбы с компьютерными преступлениями в Российской Федерации

Виктор Викторович Воробьев^{a, *}

^a Сыктывкарский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Преступность в сфере компьютерной информации имеет тенденцию к устойчивому росту и затрагивает важнейшие сферы деятельности не только отдельных государств, но и мирового сообщества в целом. В связи с этим, исключительно актуальным

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vorobvv@gmail.com (В.В. Воробьев)

становится совершенствование законодательства о противодействии этим преступным посягательствам.

Путем анализа, логического и сравнительно-правового методов познания было выявлено, что Российское уголовное законодательство в сфере борьбы с компьютерными преступлениями имеет ряд существенных недостатков, к которым можно отнести: отсутствие легального толкования многих терминов, содержащихся в статьях 159.3, 159.6, 187, 272, 273, 274 УК РФ; недостатки в конструкциях этих статей; несогласованность Российского уголовного законодательства с международными правовыми актами, а также недостатки международного сотрудничества в области противодействия компьютерной преступности.

Приведенные автором данные судебной статистики по осужденным в России за совершение компьютерных преступлений за период с 2003 по 2016 годы подкрепляют выводы о наличии проблем в этой области правоохранительной деятельности.

Синтез, обобщение и аналогия, как методы познания, позволили дать авторское определение таким понятиям как: «неправомерный доступ к компьютерной информации»; «вредоносная компьютерная программа». С целью совершенствования уголовного законодательства России, сделаны предложения по внесению дополнений в статьи 272-273 УК РФ, а также подвержена критическому анализу новая ст. 274.1 УК РФ.

Материалы данной статьи могут быть полезными для законотворцев, исследователей-правоведов, сотрудников правоохранительных органов, судей по уголовным делам, преподавателей и студентов-юристов.

Ключевые слова: компьютерные преступления, неправомерный доступ к компьютерной информации, вредоносная компьютерная программа, правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, мошенничество в сфере компьютерной информации, противодействие преступности.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2019, 6(1): 34-38

DOI: 10.13187/zngup.2019.1.34
<http://ejournal22.com>

Reviews

Review of the textbook: Fohrer-Dedeurwaerder E. La Prise en consideration des normes étrangères; Paris, Lextenso éditions LGDJ, 2008. 570 p. ISBN 978-2-275-03345-7

Pavel N. Biriukov ^{a, *}

^a Voronezh State University, Russian Federation

Abstract

Estelle Fohrer-Dedeurwaerder is a renowned French lawyer, Director of the Institute for European, International and Comparative Law Studies (IRDEIC) at the University of Toulouse. The IRDEIC is known for its developments in the field of private international law (hereinafter – PIL) and foreign law. The book under review is of great importance both for scholars interested in the analysis of conflict of laws (hereinafter – CL), and for students who wish to successfully study the issues of international law (hereinafter – IL), comparative law (hereinafter referred to as CL) and PIL. The author analyzes in detail the current trends in the field of CL and PIL in various legal systems. Thus, a peer-reviewed book is a valuable contribution that will undoubtedly help students studying CL and IPL.

Keywords: international law, comparative law, private international law, collision, conflict of laws; legal systems.

1. Введение

Как известно, предметом коллизионного права (КП) является определение норм той правовой системы, которое будет применяться в ситуации более чем с одним правопорядком (Reimann, Zimmerman, 2012: 18). Таким образом, КП традиционно уделяет все свое внимание определению критериев отбора, которые приведут к применению иностранного права вместо права государства, суд которого рассматривает дело (Rosenfeld, Sajó, 2012). Сходным образом выглядит ситуация с реализацией в национальном правопорядке иностранного судебного решения. В этом случае необходимо установить условия, на которых данное решение будет признано и исполнено. В любом случае вопрос применимого права и реализации решения представлены в «бинарных» терминах: законодательство государства, вынесшего решение или государства, где испрашивается его исполнение (Fohrer-Dedeurwaerder, 2008). Часто, наоборот, требуется согласование из-за сбоя в работе механизма, предназначенного для «координации систем», «гармонии в международных решениях» или определения «правового статуса физических лиц» (Sacco, Giappichelli, 1980: 16).

* Corresponding author

E-mail addresses: birukovpn@yandex.ru (P. Biriukov)

2. Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали: рецензируемая монография, официальные документы Франции, материалы журнальных публикаций и архивы. В процессе исследования были использованы основные методы познания: проблемно-хронологический, историко-ситуационный, системный и сравнительного правоведения. Рассуждения автора строятся на базе проблемно-хронологического подхода. Использование историко-ситуационного метода позволило воспроизвести оценку подхода Франции к проблеме коллизий и применимого права в сфере МЧП. Метод сравнительного правоведения определяет разницу во взглядах различных государств на правоотношения с участием иностранных физических и юридических лиц. Применение системного метода делает достижения различных дисциплин (гражданского, процессуального и трудового права) доступными и сравнимыми, поскольку настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

3. Обсуждение

Рецензируемая книга состоит из двух частей.

Часть 1 посвящена вопросам определения применения в суде иностранной нормы. В главе 1 речь идет о функциях иностранного права в судебном разбирательстве ([Fohrer-Dedeurwaerder, 2008: 19-86](#)).

Автор анализирует как специфические обстоятельства, чтобы сформулировать правила относительно коллизий и конфликта юрисдикций, а также сформировать теорию, применимую к иностранным нормам и судебным актам. На первом этапе два типа национальных норм рассматриваются отдельно. На втором представлена их общая система. Что касается иностранных норм, которые призваны влиять на урегулирование коллизионной ситуации, несмотря на то, что они прямо не объявлены «применимыми», задача заключается в том, чтобы отличить «учет» законодательства от его «применения».

В главе 2 обосновывается правомерность применения иностранного права ([Fohrer-Dedeurwaerder, 2008: 87-129](#)). С одной стороны, указание сторонами спора закона государства, рассматривающего дело, не может исключить ситуации с правопорядком, в котором сформировано материальное правоотношение. С другой стороны, нельзя полностью исключать приоритет публичного права, поскольку невозможно игнорировать исключительную компетенцию государств и правила *ordre public*. Заимствуя и дополняя предыдущие анализы и сохраняя терминологию американского происхождения ([Watson, 1993](#)), которую было бы желательно заменить другой более приемлемой, автор выделяет три концепции.

Во-первых, определенное содержание иностранного права иногда обуславливает применение закона государства, суд которого рассматривает дело. В качестве примера можно привести случаи, когда использование права иностранцами является предметом взаимности или, к примеру, требует «двойной преступности» для преследования во Франции (исходное состояние – «datum-condition»). Эффективность и критерии применения иностранного права рассматриваются отдельно ([Fohrer-Dedeurwaerder, 2008: 88-106](#)).

Во-вторых, содержание иностранного права позволяет установить факт, который запускает применение верховенства права государства, когда ответственность может регламентироваться иностранным правом («datum-интеллект» – «datum-renseignement»). Решение об обязательном применении иностранного права включает в себя как определение формальной правомерности решения суда, так и установление его содержания ([Fohrer-Dedeurwaerder, 2008: 131-168](#)).

Наконец, в-третьих, иностранное лицо иногда принуждается силой обстоятельств, в частности, когда неисполнение контракта, подпадающего под действие данного закона, оправдывается, поскольку вытекает из обязательности закона места исполнения («локальные данные, навязанные без выбора» – «local datum»), в соответствии с вызванной терминологией или пределами, и этого может быть достаточно.

Автор берет за основу вторую точку зрения, исходя из трех предположений. Содержание иностранного права: во-первых, иногда обуславливает применение закона

государства, суд которого рассматривает дело; во-вторых, позволяет установить факт, который инициирует применение основного правила, например, когда необходимо невозможность применения ответственности по иностранному законодательству («точка привязки-информации» – фр. термин); в-третьих, может быть обусловлено требованиями *ordre public*. Следовательно, учет иностранного права не обусловлен одним желанием сторон или волей государства. Оно оценивается судьей как «элемент оценки рассматриваемой ситуации».

Кроме того, при анализе автор иногда показывал, что существует более одного коллизионного правила (например, между законом усыновителя и законом страны усыновления). Эта двойственность объясняет возможность рассмотрения, независимо от признания самой формальности, позволяющей придать ему те же атрибуты, что и решению суда (Sacco, Rossi, 2015: 65). Во многих современных работах по МЧП о влиянии решений судов (как внутренних, так и иностранных) на правопорядок особенно выделяется различие между волевыми инструментами, и теми, при которых иностранные власти играют лишь пассивную роль. Особенность принятия во внимание (т.н. «косвенной эффективности») заключается в том, чтобы проявить себя в применении материального правила суда путем принятия решения в его исходной предпосылке. Указанные последствия могут отличаться от тех, которые прилагаются самим иностранным законодательством.

Эффект, выявленный Э. Бартином (Bartin, 1935), является наиболее актуальным примером косвенного влияния иностранного решения. Вместе с тем, автор не одобряет «ассимиляцию права», и тот фактор, что «предположение о правиле не рождается, а иногда является верховенством права, не будучи признанным как результат сделанного». Автор исходит из концепции признания «прямой эффективности иностранного решения» (Fohrer-Dedeurwaerder, 2008: 172-207).

Таким образом, волевые решения в рамках МЧП также могут приниматься во внимание (Di Lauro, Mattei, 2014: 372). И хотя некоторые косвенные последствия близки к тем, которые возникают в результате существования факта/события, имевшего место за рубежом, другие имеют практически «национальную» юридическую силу (обстоятельства, установленные в иностранном судебном акте). В конце концов, предположения о принятии иностранного решения не противоречат систематизации, хотя зависят от правила применимого суда (Rosenfeld, Sajó, 2012: 34-35).

Эффект факта соответствует «местным данным». Некоторые правила суда предполагают иностранное решение в качестве «condition» (фр.), например, осуждение по уголовному делу. В то же время доказательная сила непризнанных иностранных решений может быть сравнима с «данными разведки», поскольку они участвуют в установлении фактов, которые обуславливают применение основной нормы суда.

Это также мера, в которой решения участвуют в установлении фактов, которые обуславливают применение основной нормы суда. Определение домена элементного потребления его структурированного строя.

Часть 2 посвящена режиму исполнения в суде иностранного решения (Fohrer-Dedeurwaerder, 2008: 249-516).

Публичное право рассматривается автором в качестве первого выбора из-за связи между юрисдикцией государства и компетенцией органа, рассматривающего спор (Fohrer-Dedeurwaerder, 2008: 251). Автор анализирует три фактора, важных для КП:

а) информация, полезная для применения правила государства, чей суд рассматривает дело;

б) возможность применимости иностранного права;

в) возможность исполнения иностранного решения.

Автор выдвигает теорию «предварительных вопросов» (*questions préliminaire*), обозначая предварительную концепцию выбора применимого права. Во втором случае возникает конфликт законов, который может решаться в соответствии с законом государства места рассмотрения дела.

С учетом действия коллизионного правила доказательственный эффект, предоставленный иностранному квазигосударственному акту, можно квалифицировать как закон государства, рассматривающего дело, а не *lex loci actus*. Последнее предусматривает

«косвенную эффективность» (ст. 47 ГК Франции ([Code civil](#)). Наконец, в законе о суде учитывается решение иностранного государства, при этом оно наделено существенными последствиями, чтобы избежать трудностей, связанных с различиями между иностранным учреждением и судом: хороший пример уже приведен в усыновлении иностранцами в результате принятия Закона 2001 года ([Loi № 2001-111](#)), который изменил ст. 370-5 ГК.

То, что является общим для всех стандартов, соответствует «публичному порядку», который автор не считает несовместимым с рассмотрением дела.

В главе 2 исследуются нормы частного права, не обязательные для применения судом ([Fohrer-Dedeurwaerder, 2008 : 321-402](#)).

Аргументация автора - «дестабилизировать тех, кто привязан к слепой механике международного частного права». Она заключается в признании материального результата рассмотрения дела. Кроме того, автор поясняет, как «рассмотрение дела по существу» отличается от метода «ссылки на должный правопорядок», который направлен на выяснение наиболее тесной связи с иностранным правопорядком.

В главе 3 подробно анализируются условия применения иностранного права судами Франции ([Fohrer-Dedeurwaerder, 2008 : 403-454](#)).

4. Результаты

Рецензируемая книга логически структурирована, написана на хорошем французском языке, легко читается и понимается. Независимо от того, разделяем ли мы все взгляды автора, нужно признать оригинальность рассуждений и степень весомости аргументов. Работа ослабляет жесткость классического подхода к КП, указывая на необходимость учета «материальной справедливости». Она вносит вклад в уточнение пределов государственного суверенитета.

5. Заключение

Рецензируемое издание можно рассматривать и как научную работу, и учебное пособие. Оно выполняет двойную функцию. С одной стороны, автор суммирует теории КП, открывает новые интерпретации взаимодействия между отдельными правовыми явлениями, которые действуют в правовых системах различных типов; с другой, разрешает классические проблемы МЧП. Книга будет полезна как ученым и практикующим юристам, так и студентам магистратуры, аспирантам, а также всем, кто интересуется сравнительным правоведением.

References

- [Bartin, 1935](#) – *Bartin, E.* (1935). *Principes du droit international privé selon la loi et la jurisprudence françaises*, Domat-Montshrestien, Tome III.
- [Di Lauro, Mattei, 2014](#) – *Di Lauro A.P.M., Mattei E.A.U.* (2014). *Sistemi Giuridici Comparati*. Quarta edizione. P. XLIV. 300 p.
- [Fohrer-Dedeurwaerder, 2008](#) – *Fohrer-Dedeurwaerder E.* (2008). *La Prise en consideration des norms étrangères*. Paris, Lextenso éditions LGDJ, 570 p.
- [Reimann, Zimmerman, 2012](#) – *Reimann, M., Zimmerman, R.* (2012). *The Oxford Handbook of Comparative Law*. Oxford: Oxford University Press. P. XXI. 1430 p.
- [Rosenfeld, Sajó, 2012](#) – *Rosenfeld M., Sajó A.* (2012). *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press. P. VIII. 1430 p.
- [Sacco, Giappichelli, 1980](#) – *Sacco di R., Giappichelli S.F.G.* (1980). *Introduzione al diritto comparato: sommario delle lezioni di diritto privato comparato tenute nell'Università di Torino nell'anno accademico 1979-1980*. 214 p.
- [Sacco, Rossi, 2015](#) – *Sacco di R., Rossi P.* (2015). *Introduzione al diritto comparator*. Edizione 6. Utet Giuridica. 122 p.
- [Watson, 1993](#) – *Watson, A.* (1993). *Legal Transplants: An Approach to Comparative Law*. 2 edition, University of Georgia Press. 166 p.
- [Loi № 2001-111](#) – *Loi n° 2001-111 du 6 février 2001 relative à l'adoption internationale*. [Electronic resource]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do;jsessionid=>

75542AC1AC8B2E884B9C53159Bo58DFo.tplgfr37s_2?cidTexte=JORFTEXT000000221699&idArticle=LEGIARTI000006284660&dateTexte=20190303&categorieLien=id#LEGIARTI000006284660

Code civil – Code civil. Version consolidée au 1 mars 2019. [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=75542AC1AC8B2E884B9C53159Bo58DFo.tplgfr37s_2?cidTexte=LEGITEXT000006070721&dateTexte=20190303

Рецензия на книгу:

Fohrer-Dedeurwaerder E. La Prise en consideration des normes étrangères; Paris, Lextenso éditions LGDJ, 2008. 570 p. ISBN 978-2-275-03345-7

Павел Николаевич Бирюков ^{a, *}

^a Воронежский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Эстель Фохер-Дедервердер – известный французский юрист, Директор Института исследований европейского, международного и сравнительного права (IRDEIC) Университета Тулузы. Институт известен своими разработками в сфере международного частного права (далее МЧП) и зарубежного права. Рецензируемая книга имеет большое значение как для ученых, заинтересованных в анализе коллизионного права (далее КП), так и для студентов, желающих успешно изучить вопросы международного права (далее МП), сравнительного правоведения (далее СП) и МЧП. Автор детально анализирует современные тенденции в сфере КП и МЧП в различных правовых системах. Таким образом, рецензируемая книга является ценным вкладом, который, несомненно, поможет лицам, изучающим КП и МЧП.

Ключевые слова: международное право, сравнительное право, международное частное право, коллизия, коллизионное право, правовые системы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: birukovpn@yandex.ru (П.Н. Бирюков)